

Андрей Мансуров

Королевство пустых зеркал

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Мансуров А. А.

Королевство пустых зеркал / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Эта трилогия, возможно, одна из самых моих страшных и пессимистичных социальных антиутопий. И в первой её части почти нет традиционного для меня «экшэна». Зато много почти назойливого реализма - да, я действительно считаю, что именно так всё и может случиться, если... Если, как, собственно и во всех антиутопиях - прямо сейчас не начать противодействовать сложившейся глобалистской Системе управления человечеством. И пусть мир альтернативной реальности показан глазами модельера - то есть, с весьма специфической точки зрения - от этого вряд ли становится меньше ужас свершённого теми, кто взял на себя смелость решать за миллиарды людей, какими им быть. И как жить.

Мансуров Андрей

Королевство пустых зеркал

Роман

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Предисловие автора.

Эта трилогия, возможно, одна из самых моих страшных и пессимистичных социальных антиутопий. И в первой её части почти нет традиционного для меня «экизна». Зато много почти назойливого реализма – да, я действительно считаю, что именно так всё и может случиться, если...

Если, как, собственно и во всех антиутопиях – прямо сейчас не начать противодействовать сложившейся глобалистской Системе управления человечеством.

И пусть мир альтернативной реальности показан глазами модельера – то есть, с весьма специфической точки зрения – от этого вряд ли становится меньше ужас свершённому теми, кто взял на себя смелость решать за миллиарды людей, какими им быть.

И как жить.

Часть 1. Крючок.

Объявление ничем не отличалось от стандартного.

«Работа за рубежом. В филиал крупной международной корпорации, специализирующейся на выпуске элитной одежды, требуется молодой креативный дизайнер. Стаж работы по специальности – не менее пяти лет. Производственные навыки и владение ангалским языком обязательны. Подробности после собеседования. Зарплата – от 3 500 у.е. С собой иметь резюме и...» И прочие казённо-бюрократические атрибуты.

Далее шёл «контактный телефон» и «адрес головного офиса». Блин...

Отшвырнув газету в кучу остальных, Алексей встал с постели. Щека дёрнулась.

Нет, так не пойдёт. Кипа мятой и рванной бумаги в углу у изголовья кровати доходит уже почти до колена. Босая ступня наступила на что-то острое, он даже подпрыгнул, зашипев. Зар-раза, что это так колется?! А-а, закаменевший чипс. В кухню так вообще стыдно зайти: гора немых тарелок и кастрюль с безобразно шелушащимися корочками и разноцветными пятнами, на ладонь торчит из мойки. А уж запах...

Что же он – свинья, что ли? Или – отчаялся?.. Запустил до безобразия свой «быт», и не следит за состоянием квартиры? Вон: на книжной полке пылюки, оказывается,росло – можно рисовать. Пальцем. Или записывать всё те же телефоны. Телефоны...

Нет, он уже их не записывает и не выписывает.

Бросив сердитый взгляд на будильник – тот не испугался, и упорно продолжал показывать девять сорок две – Алексей прошёл на кухню.

Холодильник ему попался тоже не из пугливых. Поэтому крепкие слова и комментарии по поводу отсутствия еды перенёс стойко. Впрочем – скорее, просто равнодушно. Слышал и не такое...

Алексей, выудив из недр ослепительно ярко сверкающего пустотой пространства, пакет с недоеденной позавчера булкой. Хмуро взглянул на чайник. Тот как раз закипел.

Ну, хоть на этом спасибо.

Он долил в кружку позавчерашней же заварки. Разбавил её кипятком. Сахар кончился ещё на той неделе. Так что кушать остатки уже слегка пахнущей плесенью сдобы пришлось без «подслащения жизни», как любила говаривать бывшая...

За завтраком он задумчиво смотрел в одну точку: на кран мойки. Из носика каждые пять секунд капала жирная, словно издевательски сверкающая в лучах включённой у раковины лампочка, прямо-таки лучащаяся оптимизмом и толстенькими наливными боками, капля.

Зараза! Нет, не капля, а кран – сам он без инструментов прокладку поменять точно не сможет, а денег – не то, что на сантехника, а и на новую булку... Катастрофически.

Доев и ополоснув чашку, (Чтоб была хоть одна чистая!) он подошёл к окну.

Чуть отодвинул посеревшую от пыли занавеску. За окном всё так же серо и неприглядно: пасмурно, смог. Видно лишь унылые коробки корпусов промпредприятий, да и то – не дальше пары километров: всё тонет в сизо-голубой дымке. Столица. Мать её...

Ночью из окна его дешёвой квартиры даже «огней большого города» не видать – окраина. Сравнить вид отсюда после заката можно было лишь с картиной из далёкого детства, когда они с матерью ехали ночным поездом в гости к тётке.

На одном из полустанков он нарушил строжайший запрет родительницы, привстал с нижней полки, и упёрся носом в стекло: чернота за окном купе подавляла... Но и притягивала, как магнит.

Зловещей неизвестностью эта, словно клубящаяся, как туман, темнота, притаилась за краями залапанного чужими жирными пальцами, стекла. И только в центре как бы картины в рамке из массивных брусьев, кое-что сглаживало, смягчало ощущение опасности: подвешенная к кривоватому деревянному столбу лампочка с жестяным плоским колпаком сверху, отбрасывала, качаясь на ветру, режущее-пронзительный свет на кусок покосившегося забора, ворота какого-то лабаза и отблёскивающую чёрной водой огромную лужу.

Валики выдавленной колёсами грязи, обрамляющие лужу, и начинавшиеся словно нигде, и уходящие в никуда, всё равно навевали мысли о чём-то тревожном и тоскливом.

А больше ничего видно не было...

Кусок чьей-то жизни. Довольно унылой и беспросветной. Без разъяснений.

Он, отлично осознавая, что смотреть не на что, и незачем, всё равно упорно вглядывался во всё это, пока состав, поскрипывая, и подёргиваясь, не вывез его в уже абсолютную черноту башкарских степей. Рассеиваемую лишь мерцанием звёзд, плохо различимых через грязное стекло – кажется, было новолуние. Он тогда ещё подумал, что лучше уж абсолютная чернота и неопределённость, чем – вот так, сиротливо-убого...

И вот, почти так же, как на том забытом Богом полустанке, сейчас и у него всё: прошёл кусок жизни. Все усилия и мечты тонут (или – уже утонули) в глубокой чёрной луже безысходности.

Город оказался ничуть не приветливей бесплодных степей. А люди – просто...

Равнодушные. Или, что чаще – злобные завистливые твари. Любящие только себя!

И стремящиеся любой ценой стащить на себя *всё* одеяло.

Впрочем, трудно их за это винить. Жизнь здесь учит помогать лишь ближайшим родичам. И то – не всем. И не всегда.

А он... Считал себя способным на большее, чем преподавать историю в областном ремесленном училище. Ну вот и «попал» он с этими своими амбициями, и детско-наивным стремлением «строить жизнь самостоятельно»... Как кур в ощип.

Банально? Да.

Повторение миллионов чьих-то несостоявшихся судеб? Да. Недаром же после «Мосма слезам не верит», явно по заказу Высоких Чинов отсняли и «Карнавал»: чтобы убедившись, что ловить в столице нечего, миллионы наивно-восторженных и амбициозных девиц и парней не ломались, как мухи на... Н-да.

А что: он не стеснялся самому себе признаться, что вот этот, явно подходящий к логическому завершению, «кусочек» жизни – отправлен псу под хвост!

Это только в слезливых дамских романах... Или в фантастике – главный герой в полной ж...пе, и как раз решает, с какой стороны к люстре лучше прицепить верёвку с петлёй. И тут вдруг!.. «Судьбоносный» звонок в дверь... Или хотя бы – по телефону.

Враки. Рассчитанные на то, чтобы другие миллионы полуотчаявшихся идиотов читали, и сопереживали: вот, сейчас у героини... или героя – всё «круто изменится»! Наследство. Интересная новая работа. Другой Мир. Словом – сказка о Золушке на новый лад!

А не удастся самому разобраться так, как «герои» книги со своей Судьбой – так получишь удовольствие от того, что хоть у кого-то, пусть и придуманного, всё сложилось так, *как надо*. Как хотелось бы и им...

«Покупайте эту замечательную книгу», обозлённые, разочарованные, трезво-прагматичные, но в глубине души «ранимые и сентиментальные» идиоты, отдыхайте душой, и наслаждайтесь иллюзиями Мира Грёз и Фантазий, и обогащайте!..

Если не свой внутренний мир, так хотя бы автора этой лабуды...

Ага – смешно.

Юмор висельника.

Да и кто к *нему* придёт или позвонит?!

Но вот вешаться – не дождётесь!..

А может, ну его на фиг, и просто – вернуться? Мать ждёт – не дождётся: двору нужны руки, как она всегда любит повторять... Крыша течёт, планки из забора выпадают, двор зарос бурьяном. А огород копать приходится нанимать соседа-алкаша, за традиционный магарыч – пузырь «самоката», который мать достаёт у тёти Агафьи...

Негативное мышление. Так *думать* нельзя: он читал у Генри Олднера в его «Теории НЛП», что нужно всегда... Вот именно: *знать*, и быть железобетонно уверенным, что человек *может* добиться *всего*, чего пожелает.

И – что?

Получается, он «пожелал» работать на жайтайский подпольный цех одежды?!

С одной стороны, он вроде бы рад, что его обнаглевших в последнее время хозяев «прихлопнули». Те, видать, воображали, что теперь-то они надёжно «прибрали к рукам» Жернизовский Рынок. Повезло ему, что при облове оказался дома. А имени его ни в одной «бумаге», захваченной в «конторе» (двухъярусном огромном подвале под одним из ларьков) не значилось...

С другой стороны, теперь и денег взять неоткуда.

Вернувшись в комнату, Алексей заправил кровать. Простыня и наволочка превратились в грязно-серые и сырые от ночного пота мятые тряпки – что же делать, если последние три недели хозяину не спится! А постирать всё недосуг.

Впрочем, кого он обманывает? Времени у него теперь – море... Хочешь – гуляй по квартире. Хочешь – ходи по улицам, разглядывая деловито-каменные серые лица спешащих навстречу, и озабоченных своими проблемами, женщин, мужчин, и даже детей. (Впрочем, большинство проблем детей сейчас сводится к более или менее престижной пластиковой коробочке, которую они тащат в руке, сосредоточенно вперившись в неё. И натюкивая что-то пальцем – «общаются!»)

А хочешь – сиди, как идиот, на кровати, обводи кружками отобранные объявления, и звони по номерам... Где тебе весьма вежливо ответят, что «Вакансия уже занята...», «Извините, набор временно приостановлен...», и, козырное: «Оставьте, пожалуйста, ваш телефон. Мы сами перезвоним вам».

Ну правильно: новое законодательство запрещает печатать в объявлении «дискриминирующие» градации, типа «мужчин и женщин старше сорока просят не беспокоить».

И теперь из-за этого приходится как придурку, таскаться по всем этим, расположенным, согласно закону подлости, на других, самых дальних, концах города, конторам, и выслушивать всё то же: «Мы вам перезвоним...»

Перезвонят, как же... И то, что после него на стул для собеседования садятся сотни задов таких же непристроенно-озабоченных, а когда-то – энтузиастов, вовсе не улучшает настроения: конкуренты. И все, как и он, стараются выглядеть уверенно, и деловито...

Поскольку читали и Карнаги и того же Олднера.

Собирая в чёрный пластиковый пакет груды мятых газет, и собираясь вытряхнуть туда же и огромную кучу склизко-зелёных очисток и кожурок из вазочки у мойки, он приостановился на мгновение.

А может?.. Чем чёрт не шутит – позвонить-то никто не запрещает... Пока телефон не отключили за неуплату!

Оставив на кровати верхнюю, последнюю, газету, он вышел в коридор, затем на лестничную площадку.

Никого. Отлично. Он положил пакет на пол, и походил по нему, придерживая горловину. Ну вот: теперь должно влезть.

Пакет всё равно затолкался в трубу мусоропровода с трудом. Но вниз уехал. Алексей не без интереса прислушался, чуть склонив правое ухо к трубе.

А, нет – не до подвала. Ну, ничего – кто-нибудь наверняка бросит что-нибудь тяжёлое, с кухонными отходами например, и прочистит трубу... А не прочистит – так и ладно. Живя на шестом этаже можно особенно не волноваться за «засор» на втором. Вот к чему его приучила жизнь в этом городе: к ехидному наплевательству на проблемы других.

Вернувшись в квартиру, он тщательно вымыл руки. Хотя дотрагивался только до крышки люка. Всё равно – лучше чувствовать себя чистым, и знать, что не притащил домой никакой заразы. Вот и этой «мании» к чистоте рук и тела ему, в числе всего прочего, тоже не могла простить драгоценная «кошечка».

В половине одиннадцатого он снял трубку, и стал крутить старомодный диск номеронабирателя. (Как нагло соврала хозяйка квартиры, «не напасёшься на вашего брата телефонов-то». А, скорее, ей вот так квартира и досталась – со всеми «аксессуарами»...)

– Здравствуйте. Я звоню по вашему объявлению. – он постарался говорить не бодро, а просто – равнодушно. Эти бодрость и деловитость уже сидели у него в печёнках.

– Здравствуйте. – стандартно приятный нейтрально-вежливый женский голос на том конце линии не спешил продолжить... Хм. Странно. Ну ладно. Ему не стыдно представиться. И спросить.

– Вас беспокоит Липгард Алексей Семёнович. Я хотел узнать – вакансия на должность дизайнера одежды для зарубежного филиала... ещё не занята?

– Ещё нет. Если желаете, можете подъехать на собеседование. Наш адрес указан в объявлении.

– Да-да, благодарю, я... Когда у вас обед?

– У нас нет обеда, Алексей Семёнович. Вы можете подъехать в любое удобное для вас время, до восемнадцати ноль-ноль. В холле назовётесь, скажете секьюрити, что на собеседование в «Юниверсал дизайн инк.», и вас пропустят.

– Благодарю. До свиданья. – только и нашёлся сказать Алексей.

– До свиданья. – ответил мягкий голос. В трубке запикал сигнал отбоя.

Странно. Хотя нет – ничего странного. Почти всё почти как всегда.

Но...

Что же тогда показалось ему каким-то... Ненормальным? Пугающим?..

Да, именно это слово – пугающим.

Что-то не так с этой «Крупной международной корпорацией»! Но – что?!

Голос в трубке? Вроде, нет. Ничуть не менее безлико-вежливый, чем у всех прочих «специалисток» по связям с...

Текст объявления?

Нет – не подкопаешься, всё стандартно.

Может, напрягает то, что столь лакомая должность ещё не занята?.. Хм...

Да, пожалуй это и подозрительно: только в *его* выпуске было сорок восемь «дизайнеров современной стильной одежды», а до него, и после... Не менее полутысячи. И это – только одного Центра обучения. А таких – только по столице – с десяток!

Что же, остальные не хотят бросать места, где закрепились?! Ох, не верится...

Снова пришлось вернуться в ванну. Облупленный кафель мутно-голубого окраса взор выскательного колориста точно никогда бы не усладил... Раковина фаянсовая, старая. Впрочем, как и всё здесь, в безликой квартире, приобретённой явно только для того, чтобы пускать «дойных коров» – квартирантов, не слишком заботясь о создании подлинного «юта». Временное жильё – не больше! Ладно, хоть вода текла исправно.

Брился он тщательно, как всегда. Вот только лезвие тупое. Надо купить... Мозг снова прошёл традиционным маршрутом: «надо купить – нет денег – обязательно куплю, когда устроюсь – не устроишься, пока не будешь выглядеть достойно – не устроишься, соответственно, пока аккуратно не выбреешься!». Чёрт.

Галстук Алексей решил одеть тонкий серый. В нём он хотя бы мог ворочать головой, и не чувствовать себя «упакованным». Зная, что лифт в очередной раз «не работает», вниз, особо не торопясь, спустился пешком. Хмыкнув, мстительно прикинул: вот, где-то между вторым и первым и должен торчать сейчас его пакет...

На улице, для разнообразия, почти распогодилось. Только дуло от души. Ерунда.

До указанного адреса добрался на автобусе. Маршрут 1078 проходил как раз по нужной улице. Заняла поездка всего тридцать пять минут.

А что ему – пожар, что ли? Куда спешить?

Здание не поражало ни красотой, ни высотой. Безликая многоэтажка таталинской застройки. Однако войдя внутрь, он переменил мнение: холл оказался отделан почти на уровне... Пятизвёздочного отеля. Причём – не местного, а такого, что горделиво высится где-нибудь на побережье Ривьеры!.. Понятно, что тут кого попало не впустят.

Из будки вышел поджарый, и всё равно – косяя сажень в плечах! – огромный охранник. Второй остался на месте, спокойно наблюдая.

– Здравствуйте. Вы – к кому? – тон очень вежливый. Никакого пренебрежения, или злобы, что Алексей иногда подмечал у «наделённых полномочиями» холуёв.

– Я – Алексей Семёнович. В «Юниверсал дизайн инк.». На собеседование. Мне назначено.

– Прошу вас, Алексей Семёнович. – вежливый (!) жест рукой в глубину коридора, – Лифт – слева. Четвёртый этаж.

– Благодарю – только и смог выдавить слегка опешивший Алексей.

А его Корпорация-то, похоже, и впрямь – корпорация, а не прикрывающаяся броским названием фирма-однодневка. Для отмывания денег. Хотя...

Работал он и на такие.

Ага – теперь стыдно. Но – в его Резюме они проходят под многозначительными помпезными названиями: можно чувствовать уверенность. Вроде бы.

Лифт оказался на первом этаже. Он нажал клавишу. С приятным тихим звонком дверцы плавно разъехались. Ого! Дьявольщина – в таком под стать ездить и Президенту! Алексей вошёл, чувствуя, как возрастает его желание потрудиться на этих «работодателей», и нажал кнопку с горящей четвёркой.

Когда двери вновь раскрылись, он даже не смог сразу решиться наступить на шикарную ковровую дорожку коридора. Это ж надо! Из кусков персидского ковра, что ли, они её составили?! Ворс чуть ли не до щиколотки! Уже двигаясь по ней, он автоматически поглядывал вниз: нет! Швов не видно – значит, сделано *на заказ!!!*

Уже одно это сказало бы ему почти всё необходимое о корпорации «Дизайн Инк», даже если б не висело по стенам шикарных полотен авангарда и классиков, мирно соседствующих со стоящими в большом холле консервативными кожаными креслами.

В холле, у начала куда более делового, и с нейтрально-светло-бежевыми пустыми стенами, коридора, стоял и стол. За ним, оторвавшись при звуке его шагов от стационарного компьютера, сидела девушка, сейчас с вежливой, – а не натянуто-заученной, и презрительной, как он ощущал у некоторых! – улыбкой, ждала, когда он приблизится. Лицо и фигура поразили его – уж не с конкурсов ли красоты её «отобрали»?!

Чувствуя, как противный червячок – да нет, скорее – червячище! – сосёт в кишках, он поздоровался:

– Здравствуйте! Это я звонил по вашему объявлению, и мне сказали, что я могу подойти в любой...

– Здравствуйте. Да, я узнала ваш голос. Алексей Семёнович?

– Верно.

– Прошу: проходите. Вторая дверь направо. – блондинка указала на коридор за спиной.

– Благодарю. – Алексей чуть поклонился, не посмеяв, впрочем, улыбнуться. Ему даже в голову не пришло обычных пошлых мыслей насчёт взаимоотношений секретарши и Босса, а уж тем более – закрутить с ней самому! Что-то в этой женщине, несмотря на все её «убийственные» внешние данные, казалось...

Отталкивающим. Холодным. Безлико-аморфным. Словно она – равнодушный и вышколенный, безотказный неизменно вежливый винтик в неумолимо эффективной Машине. Системе. Нет, он конечно встречался и с такими, но эта... Нечто особенное.

Хм-м...

Он прошёл, куда ему указала холёная рука с нежно-розовыми, лакированными под естественный цвет, ногтями. Да, в том числе и эта крошечная деталь о многом говорит.

На двери висела полированная латунная табличка с выгравированными и залитыми чёрным лаком буквами: «Приёмная». И – всё. Лаконично, конечно, но... Ладно, увидим.

Постучав, он вошёл.

Небольшую комнату украшали только две двери, справа и слева.

Стол напротив входа. С неизменным ноутбуком и работающей за ним женщиной. Шкаф с многочисленными файловыми папками за её спиной. Женщина, оторвавшая странно красные глаза от экрана, не сердито, но и не приветливо взглянула ему в лицо. По виду ей явно перевалило за сорок. Значит, точно – ценный работник. Раз шеф позволяет обходиться почти без косметики...

И традиционно-обязательных для «типовых» женщин-служащих, колготок.

– Здравствуйте. – Алексей не мудрил, и просто повторил всё снова, – Я по вашему объявлению. На собеседование.

– Здравствуйте. Алексей Семёнович?

– Совершенно верно.

(А то по нему не видно – что он – Алексей Семёнович?!)

– Минуту. – женщина щёлкнула рычажком в пульте сбоку стола, и глянула в экранчик, установленный на столе так, чтобы с места, где стоял посетитель, не было видно лица хозяина кабинета, – Виктор Михайлович. Пришёл Алексей Семёнович.

Возможно, Виктор Михайлович что-то ответил – Алексей только сейчас, когда голова женщины повернулась чуть в профиль, заметил крошечный наушник в раковине её уха – но

не услышал ни звука. Его уважение к организации, если только это было возможно, поднялось ещё выше!

– Прошу вас, Алексей Семёнович, проходите. – женщина указала на дверь справа от него.

Ощущая странное волнение, и в то же время абсолютно ничем, вроде, не вызванную приподнятость духа, он постучал и повернул ручку. Вошёл. Аккуратно прикрыл дверь, и только после этого позволил себе повернуться и осмотреться.

Вот это интерьерчик! Одни только драпировки окон стояли наверное, не меньше... А уж настоящие дубовые панели на стенах! Н-да.

Ничего не скажешь – производит... Впечатление. Однако он поторопился пройти в дальний угол непривычно большой комнаты. Невежливо пялиться. А ещё – глупо делать вид, как у барана, увидавшего новые...

Сидевший за массивным – в пол-комнаты! – светло-коричневым (Чёрт! Тоже – настоящий орех! Уж Алексей-то в этом деле понимает!) столом мужчина приподнялся, и вежливо – То есть, не с видом снулой рыбы, а вполне заинтересованно поплёскивая хитрущими глазками! – пожал ему руку.

– Здравствуйте, Виктор Михайлович! – Алексей оценил шикарный костюм: от Дуора, точно! И сидит прекрасно. Точно – инд. заказ! То есть – стоит даже дороже стола!..

– Здравствуйте, Алексей Семёнович. Прошу, присаживайтесь. – вежливый жест в сторону ближайшего стула.

Не без трепета отодвинув его (на примерно таком же – как он видел в программах новостей! – сидел, раздавая указания, Президент страны), Алексей сел.

– Алексей Семёнович, мне придётся задать вам несколько вопросов. Если ответы на них устроят вашего нанимателя, далее вами будет заниматься Медицинский Отдел. И лично, – Виктор Михайлович воздел очи к потолку, не забыв, впрочем, сразу же вернуть их цепкий взор обратно, – директор по кадрам. То есть, он так же будет задавать вам... Некоторые вопросы. Вы согласны на такой порядок наших... контактов?

Мысль в голове Алексея словно раненная куропатка, потыкалась во все уголки черепа. Нутром он чуял – что-то здесь не так! Хотя внешне, вроде, почти стандартная процедура.

Наверное, для больших и солидных Корпораций имеет смысл и четырехступенчатый отбор, и мед. обследование (Ну, надо же отсеять хилых и... э-э... людей с неустойчивой психикой!), и, возможно, и без его жалкого Резюме, покоящегося в папке, они всё про него уже узнали... Для этого и существует интернет, и всякие шпионско-информационные Программы... Но – надо что-то уже ответить. Работа ему... Всё равно нужна!

– Да, я согласен. – он постарался придать себе и голосу как можно более деловой и нейтральный вид и тон, хотя понимал: сидящий напротив человек не может не заметить его колебаний и сомнений. А если то, что он слышал про крупные Корпорации (Ну, насчёт датчиков потоотделения в подлокотниках кресла, дистанционного съёма энцефалограммы, и отслеживания дыхания и пульса, и проч.) – правда, то все его теперешние «показатели» могут сыграть против него же...

– Отлично. – в тоне не проскользнуло ничего, кроме вежливой деловитости, – Тогда, с вашего позволения, приступим. И, если вы не против – на ангальском.

Алексей только кивнул – уж за язык-то он...

Виктор Михайлович достал из нагрудного кармана, и водрузил на нос старомодные очки в черепаховой оправе, и вынул из верхнего ящика и положил на стол лист бумаги.

Зачем он ему понадобился, Алексей так и не понял – в бумагу его интервьюер не заглянул ни разу. А то, что от Алексея не укрылось, что линзы в очках практически без диоптрий, заставляло думать, что очки нужны лишь для какого-то психологического эффекта. (который, правда, от Алексея ускользнул) Или они – являются ещё каким-то прибором. Рентген?

– Алексей Семёнович. Вы женаты?

– Разведён. Уже три года. – ангальским он не пользовался всего пару месяцев. Так что за произношение и правильность фраз не боялся.

– У вас есть дети?

– Нет.

– Извините, если следующий вопрос покажется вам слишком личным. Вы поддерживаете отношения с бывшей женой?

– Нет. Мы даже с днём Рождения друг друга не поздравляем. (И это была чистая правда. Щека Алексея при упоминании бывшей снова чуть было не дёрнулась. Усилием воли он сдержался.).

Если Виктор Михайлович и заметил его состояние, виду он не подал, вежливо «зачитав» следующий вопрос:

– Ваши родители живы?

– Мать жива. Отец умер в 20.. году.

– Братья, сёстры?

– Нет. Я единственный ребёнок. Мать родила меня, когда ей было тридцать шесть, а отцу – сорок четыре. Врачи запретили ей рожать ещё.

– Благодарю за столь исчерпывающее пояснение вашего семейного положения. Теперь вопросы, собственно, касающиеся непосредственно работы. Что и когда вы кончали? И где работали?

Отвечая буквально наизусть заученными казёнными фразами из резюме, которое ему было нужно примерно так же, как чиновнику его листок, Алексей уже старался сам незаметно наблюдать за собеседником.

Точно – тот слушал вовсе не его, а, похоже, такой же крошечный наушник, чуть отблеснувший у мужчины в ухе, когда голова чуть повернулась. Переводчик? Вот уж вряд ли... Такой чиновник наверняка владеет и «дойтчем» и ещё парой языков! Начальство? Данные детектора лжи?..

Проклятье! Похоже, попал он.

Но чем же здесь занимаются на самом деле?!

Шпионаж? Промышленный шпионаж?! Он слышал, что крупные компании в мире «высокой Моды», занимающиеся кражей новейших идей и разработок, имеют доход больше, чем иные страны – бюджет...

Что же делать? Извиниться и сказать, что передумал?

Глупо. Работа ему всё равно нужна. А у этих было указано, что за рубежом. То есть – даже если ему и предстоит «похищать» промышленно-дизайнерские секреты – не у своих уж точно! Патриотические чувства, вроде, не должны пострадать... Однако вот его скетч окончен.

Виктор Михайлович снял очки, спрятал в карман. Убрал в стол листок. Приветливо улыбнулся, встал.

– Благодарю вас, Алексей Семёнович. Я узнал всё, что необходимо нашей фирме для знакомства с вами. Теперь же, если *вы* ещё не передумали сотрудничать с нами, прошу пройти в кабинет сорок восемь – это в конце коридора! – и подвергнуться небольшому, но крайне важному для нашей, – чиновник выделил это слово. – Корпорации, медицинскому обследованию. Всех благ!

Алексей снова пожал весьма плотную и тёплую руку, и попрощался.

Да-а, похоже, что вляпался он... Недаром же была вроде как вскользь брошена фраза о том, что «если ещё не передумали...». Точно – непростая Корпорация. Вычислили его сомнения... И наверняка – через наушник передавали что-то вроде данных о его подлинных эмоциях, или... Сомнениях.

Ну, а если вот так разобраться – *что* ему терять?!

Что его удерживает – пусть даже и от промышленного шпионажа?! Ведь там – идёт игра интеллектов, и «агенты» предпочитают элементарный подкуп. Ну, может, ещё шантаж... А вовсе не убийства и прочий криминал с погонями-стрельбой-похищениями-вскрытиями-сейфов, как это любят показывать в фильмах!

Он фактически одинок. С матерью теперь живёт её младшая сестра – тоже вдова. Два-три года они без него самого – но с присылаемыми им деньгами! – уж точно проскрипят! А он в свой тридцать один, если не устроится сейчас на солидную должность в солидной же Компании, рискует остаться навсегда «за бортом!»

На двери кабинета сорок восемь, любезно указанному «деловой» секретаршей, висела только табличка с этими самыми цифрами.

Постучав, он вошёл. Ого-2! (А, похоже, будет и «Ого-3», и «Ого-возвращается»!)

Типично медицинский, до половины отделанный блестящим белым кафелем, кабинет. Сквозь открытую дверь видно ещё одну комнату – тоже старильно-казённую, и залитую ослепительно-голубоватым сиянием ксеноновых ламп. За столом у стенки сидит девушка в накрахмаленном зелёном халатике. (когда она встала, оказалось, что халатик-то не столько скрывает, сколько открывает стройные ножки...)

– Здравствуйте. Алексей Семёнович? – он вежливо поздоровался в ответ, автоматически отметив, что хотя для Подиума ножки всё же коротковаты, но... Да, впечатляют. Особенно его мужское естество! – Прошу, проходите.

Его провели в соседнюю комнату.

Точно. Ого-три! И «Ого-возвращается!..» Да уж сразу – и «Дети Ого!»

В первом углу торчала здоровенная махина томографа. Во втором – ещё какого-то странного устройства. УЗИ? Рентген? Так сразу и не поймёшь...

За столом, еле вписывавшемся между аппаратами, его поджидал мужчина в оптических очках (Тут уж точно без дураков: как пить дать – минус шесть!) с аккуратной бородкой, лет пятидесяти. Он, как бы в предвкушении, что сейчас удастся снова пустить любимые игрушки в действие, встал, потирая маленькие, пухлые и розовые, словно у ребёнка, ладошки. Алексею приветливо улыбался:

– Здравствуйте, больной! Сейчас мы постараемся доказать вам... Да и окружающим тоже... Что вы, собственно, здоровы!..

Алексей пожал протянутую руку, (А она-то, несмотря на обманчивую пухлость, оказалась ничего себе – ещё жёстче, чем у Виктора Михайловича! Качаются они тут всё, что ли?!) поздоровался и представился. Во время рукопожатия же узнал, что доктора зовут Викентий Константинович. Заметно было, что тому не терпится:

– Прошу, Алексей Семёнович. Нет-нет, не нужно ничего снимать! – предупредив попытку Алексея, уже сидящего на столе томографа, снять обувь, доктор нежно придал его телу горизонтальное положение, сестра подложила под обувь квадрат зелёной материи, – Больно не будет. Честное слово!

Лучезарная улыбка, по идее, должна была сказать пациенту, что это шутка. Пришлось улыбнуться в ответ. Но – молча.

Полный самыми нехорошими предчувствиями, он постарался расслабиться, пока стол с ним бесшумно въезжал под круглый толстенький бублик, и выезжал обратно.

Затем пришлось отдаться «в руки» второго, совершенно непонятого агрегата, а затем и раздеться до пояса. И подвергнуться уже вполне традиционным измерениям давления, осмотру роговицы, простукиваниям и прослушиваниям с неизменными «Дышите-не-дышите! Покажите-ка язык...».

У Алексея крепла уверенность в том, что эта, последняя, часть программы «изучения» его организма, нужна только для усыпления его беспокойства – особенно это подозрение подогрели крошечные блестящие капсулы: в ушах и доктора, и медсестры...

– Прошу вас, Алексей Семёнович, присаживайтесь. – стол Викентия Константиновича стоял у стены второй комнаты, между приборов, и шкафов со сверкающими девственно-хромированной сталью инструментов, занимавших больше половины её пространства.

Пока Алексей делал вид, что расслабленно изучает интерьер, доктор внимательно изучал что-то на мониторе ноутбука перед собой. Оторвав свой всё так же лучезарный взор от экрана, он внезапно спросил:

– Скажите, Алексей Семёнович, у вас в семье никто диабетом не болел?

– Нет. Вот этого уж точно не было. – он прикусил болтливый язык, но было поздно.

Викентий Константинович ухватился:

– А вообще – у кого-нибудь из родителей были какие-нибудь наследственные болезни?

– Ну-у... У отца – артрит коленок... Правда, не знаю – наследственное это или нет. У матери – повышенное давление. Вот, вроде, и всё.

– Понятненько... А вот, скажем, склонности к... э-э... назовём это – неадекватному поведению? Мышлению? Алкоголю? Ни у кого?

– Нет. Пьяниц и психов у нас точно отродясь не попадалось. И – поэтов тоже... Все на редкость адекватные, прагматично-приземлённые, и... вменяемые. – Алексей позволил себе чуть улыбнуться.

– Я рад, что вы с пониманием и юмором относитесь к моим, не всегда нейтральным, но – *необходимым* вопросам. Прошу понять меня правильно. – взгляд из-под мощных линз стал вовсе не таким миролюбивым и вежливым, – Я – лишь один из барьеров, отделяющих персонал нашей Компании от тех случайных... И неадекватных сотрудников, которые могли бы... Внести беспокойство и... ненужные хлопоты в наш сплочённый, и весьма продуктивно работающий коллектив. Надеюсь, вы, Алексей Семёнович, не сочтёте, что я... нарушаю ваши Права, или покушаюсь на частную жизнь и секреты.

Алексей поспешил заверить «уважаемого Викентия Константиновича», что он всё понимает, и сам не хотел бы с такими... Разумеется, каждая большая Компания, или Корпорация, имеет право ограждать своих сотрудников... И никаких нарушений своих «прав» и покушений на «свободу личности» он не видит, и т. п...

После чего улыбка доктора заняла своё дежурное место, и опрос продолжился.

Однако Алексей оказался вынужден признать, что действительно, в его «личное пространство» доктор не лез, и почти всё, что он спрашивал, легко можно было найти в его резюме, автобиографии, и медицинской карте. Но – только почти.

Например, вопрос о потребности в алкоголе и никотине для снятия стресса Алексея пусть и не насторожил, но только потому, что его подсознание уже и так находилось в настороженном до дрожи состоянии.

– Нет, Викентий Константинович, *потребностью* такое потребление не вызвано. Только стремлением быть... Коммуникабельнее. – а технично он ввернул, что пьёт – только для поддержания компании. Но что делать: здесь таков менталитет: кто не пьёт с нами – тот, значит, против нас!.. – Что до курения – я не курю с детства. Как-то не понравилось...

А насчёт «алкоголя», – решил он всё же уточнить, – могу в компании с друзьями выпить – для поддержания, так сказать, «корпоративной атмосферы», а так... Нет, я практически не пью. Просто... Не нуждаюсь в *таком* способе снятия стрессов.

Это было правдой. Алексей не пил, потому что врезавшийся память в детстве вид буйствующего прадеда с бутылкой самогона в руке, разбивающего эту самую бутылку о голову соседа – такого же старичка-алкоголика – навечно отложился в подкорке... Или – ещё в каких-то глубинах психики. И, похоже, послужил отличной прививкой от заразы...

– Отлично, отлично... (А интересно – продолжается ли сейчас его исследование на дистанционном «детекторе лжи»? Видит ли доктор, или сообщают ему через наушник, что пациент не врёт?..) Ну, ещё пара вопросов – и мы закончим.

Вопросов, конечно, оказалась не пара. Но и не столько, чтобы Алексей начал ёрзать на стуле.

Встав, Викентий Константинович дал понять, что ему всё ясно, и он очень рад... Ну, если и не очень – то достаточно скрытен, чтобы не показать этого. (На то и врачи!)

– Мне было приятно с вами побеседовать, Алексей Семёнович. От себя лично хочу пожелать вам всяческих благ, и плодотворной работы в нашем коллективе. Если, разумеется, *сам*, – он воздел очи горе, – посчитает возможным... Хм. – доктор крепко потряс руку Алексея, и деловито закончил, – Прошу вас пройти снова к Марии Ильиничне в приёмную.

Мария Ильинична к его приходу уже несомненно узнала и получила всё, что полагалось узнать и получить, и указала теперь на левую дверь:

– Прошу, Алексей Семёнович. Анвар Эргашевич ждёт вас.

Раздумывая, почему Большой Босс носит имя явного выходца из Средней Азии, Алексей повторил ритуал со стуком и входом.

Странно. Кабинет Анвара Эргашевича отнюдь не блистал простором и королевским дизайном. Он оказался невелик и чисто функционален. В пространстве пять на четыре стоял стол. (Правда, большой. За таким как раз могли бы собираться члены правления, или руководители отделов, на планёрки.) За спиной Босса – четыре шкафа с папками в ряд. И вдоль стола – простые, без вычурных выкрутас и позолоты, но прочные, стулья.

Хозяин кабинета, встав, пригласил и протянул руку как бы единым движением. Алексей пожал руку, представился, услышал «Анвар Эргашевич», сказанное негромким, но с отличной дикцией, голосом, и сел, рассматривая чёрный костюм. Ага, Юдажкинд.

Анвар Эргашевич не счёл нужным ходить вокруг да около, а сразу перешёл к делу.

– Не открою вам секрета, Алексей Семёнович, сообщив, что сейчас вся биография, любого члена нашего общества, буквально с рождения, абсолютно прозрачна. Кадровая Политика нашей Корпорации... Полностью соответствует общепринятым Нормам, и стандартам Международного Права. В частную жизнь и интимные подробности биографии мы стараемся без необходимости, – он выделил это слово тяжёлым, словно тонна кирпича, взглядом, – не вдаваться. Но и не можем себе позволить принять случайного, некомпетентного, или... неадекватного работника в свои ряды.

Впрочем, вероятно вы и сами догадались, что все доступные официально сведения о вас мы уже «раскопали». И пристально изучили. Недостающую информацию дал медицинский осмотр.

У меня для вас две новости: хорошая, и... не очень.

Хорошая: вы нам подходите. И мы готовы предоставить вам вакансию дизайнера в нашем филиале в Омстердаме. С зарплатой три с половиной тысячи в месяц. В «у.е». И с двумя выходными в неделю. Плюс двухнедельный оплачиваемый отпуск каждый год.

Теперь – то, что касается – «не очень».

Сейчас я сообщу вам требования, которые Корпорация «Дизайн Инк» предъявляет ко всем своим сотрудникам... И уже *вы* будете решать, подходим ли *мы* вам.

Чего-то в этом роде Алексей и ждал. Голова как-то автоматически собралась покивать. Но он ей это запретил.

И всё равно – внутри что-то напряглось ещё сильнее. Он словно бы раздвоился: он «первый» слушал Большого Босса, нахмутив брови, и прикусив изнутри предательскую щёку – чтоб не дёргалась, как уже случалось в самые неподходящие моменты.

А он «второй» – смотрел на происходящее как бы сверху, издевательски смеясь: «Ну что, придурок, угодил в лапы спецагенства?»

– Предупреждаю сразу: то, что я вам сообщу – является коммерческой тайной нашей Корпорации, и ни в коем случае не должно быть вами разглашено, к какому бы решению вы не пришли. Согласны?

Что ж. Назвался груздем – полезай в кузов.

– Согласен.

– Прекрасно. Я попрошу вас подписать этот договор... о неразглашении. – Анвар Эргашевич протянул листок, на котором в центре сиротливо маячили три строчки: «Я, ... , принимая в счёт компенсации потраченного мною времени, либо в счёт аванса в случае вступления в должность ..., сумму в 1000 у. е., обязуюсь никому... (и т.д.) ... В течении трёх лет.»

А что, резонно. Уж три-то года за 1000 у. е. нахалю, можно и потерпеть... Да и вряд ли ему сообщат вот именно сейчас... да и вообще в дальнейшем – что-то *этакое!*

Нет, политика Корпорации и способы получения доходов – останутся в «компетенции» только Высшего Руководства. Собственно, как и везде.

А вот если согласится... Три с половиной тысячи, и работа в Омстердаме ему не помешают. Ох, не помешают!

Взяв ручку, торчащую из развёрнутого к нему простого мраморного пресс-папье, он подписал.

Конечно, можно было повыведываться, и достать свой «Паркер», но – зачем? Доказать, что он – самостоятельный? Вряд ли удастся, особенно, если эти ребята и вправду перерыли интернет. А они явно «перерыли». И не только общедоступные файлы...

Он улыбнулся, чуть приподняв кончики губ.

Чиновник не торопясь спрятал в стол лист с Договором, и достал оттуда же маленькую стопку купюр. Протянул Алексею.

Алексей взял, вежливо кивнув, и снова изобразив «безмерное счастье» уголками губ. Анвар Эргашевич поступил наоборот: уголки его губ чуть сжались, отчего его облик сразу приобрёл некий... Хищно-агрессивный вид. Такой мог бы быть у беркута, перед тем, как он кинется на зайца. Да, чиновник явно сидит на своём месте. Умеет человек дать понять, что шутки кончились...

– К делу. Как вы, наверняка уже догадались, Алексей Семёнович, наша Корпорация имеет дело с *элитной* модной одеждой. Мы... в той или иной степени сотрудничаем с большинством из существующих на сегодняшний день тринадцати крупнейших мировых Домов Моды.

Прибыли Корпорации выражаются десятизначными... и более, цифрами. – ну, уж это Алексей знал и так. Один покойный Верзаче зарабатывал в год до миллиарда. Этих самых «у.е.». А уж оборот всех вместе «Домов» – десятки миллиардов. А что самое интересное – реальные убытки от «пиратских копий», промышленно выпускаемых, например, теми же жай-тайцами – ещё в несколько раз больше.

– Именно поэтому большая часть деятельности нашей Корпорации происходит в, так сказать, атмосфере коммерческой тайны. И мы *очень* заинтересованы, чтобы любые аспекты этой деятельности так в тайне бы и оставались... – взгляд узких азиатских глаз стал напряжённым и пристальным. Алексей... снова чуть кивнул, решив не перебивать.

– Поэтому, уважаемый Алексей Семёнович, если вы согласитесь работать на нас, мы подпишем уже совсем другой Договор.

Там будет указано, что вы обязуетесь хранить в абсолютной тайне всё, что будете делать сами, и всё, что будут делать ваши коллеги и подчинённые. (Да, ваша должность предусматривает небольшой штат сотрудников под *вашим* непосредственным руководством!). И вам пред-

стоят весьма тесные контакты со смежными Отделами. Маркетинг. Производственные цеха. Штат демонстраторов – манекенщицы и ... манекенщики. И так далее.

Более того – в договоре имеется пункт, запрещающий разглашать *любые* сведения о нас и нашей деятельности в течении трёх лет *после того*, как закончится заключённый с вами Контракт, и вы (Если захотите, конечно!) покинете... наши ряды.

Алексей внимательно слушал, стараясь никак не выдать чувств, в изобилии появившихся в его «душе». Проклятье! Точно – как пить дать промышленный шпионаж!

«Сотрудничество!»

Какое, к чертям, «сотрудничество» может быть с Домами высокой моды: те сами предпочитают открывать по всему миру фирменные бутики, и тщательно оберегают секреты новых модных трендов и тенденций, пытаясь изо всех сил объехать конкурентов! Несколько ежегодных демонстраций в Парисе, Нью-Оке, и других столицах Моды того, что создано в секретнейших и тщательно охраняемых мастерских-лабораториях, позволяют как показать своё, так и узнать – чем же ответили зачатые друзья из других Домов!

Так что подозрения Алексея ничуть не уменьшились. Но желание работать на «Дизайн Инк»...

Пока не пропало.

– Далее. Контракт предусматривает ваше трёхлетнее пребывание в должности ведущего дизайнера. Но в случае, если мы посчитаем, что ваши возможности занятая должность не позволяет... скажем так: полностью раскрыть, вы можете быть переведены на другую, более высокооплачиваемую. И, соответственно, позволяющую вам лучше проявить свои... креативные способности. Здесь – всё зависит от вас.

С другой стороны, если Руководство посчитает, что вы, – ещё один тяжёлый взгляд, – не перерабатываете, или... не совсем соответствуете, контракт по истечении трёх лет *не* будет пролонгирован. И мы распрощаемся.

В любом случае, вам будет предоставлено полностью оплачиваемое Корпорацией достойное жильё в одной из гостиниц Омстердама, бесплатное трёхразовое питание там же, подготовленное рабочее место буквально в нескольких минутах ходьбы от места проживания, укомплектованный штат сотрудников. И полный комплект необходимого технического оснащения вашего Ателье.

Задачи вашей группе будут ставиться уже там. На месте. И – только конкретные и реальные. В пределах вашей, Алексей Семёнович, компетенции.

Чиновник откинулся на спинку кресла, но глубокие чёрные глаза снова чуть сузились. Алексей прямо почувал, как атмосфера сгущается, хотя тон, вроде, и не изменился.

– Теперь – о... не совсем приятном. Но – это обязательное условие.

Нам необходимо, чтобы за время первых трёх лет вы не покидали Омстердам более, чем на одни сутки. Даже в отпуске. Даже в тех случаях, если вы захотите навестить родственников.

Связано это не столько с соображениями вашей безопасности и сохранения коммерческой тайны, сколько – с производственным процессом, жёсткий и, так сказать, неусыпный Авторский контроль которого с вашей стороны *абсолютно* необходим!

И – совсем уж «драконовский» пункт, – Анвар Эргашевич позволил губам изобразить вежливую улыбку. Но поскольку он пользовался тем же приёмом, что и Алексей, то есть, только чуть приподнимал уголки губ, оставляя безучастными внимательно глядящие глаза, угроза получилась весьма впечатляющей. И – недвусмысленной.

– Никакого интернета на протяжении всех трёх лет. А если Контракт будет продлён – то на всё время его действия.

Поясню: разумеется, в вашем распоряжении будет несколько весьма «продвинутых» компьютеров. Однако подключены к Сети они не будут. А почему, вы и сами догадались, – Алек-

сей снова кивнул, уже с полным пониманием: про взлом паролей любой сложности и кражу непосредственно из баз данных, даже ЦРЮ, он слышал.

– Так что переписку со... скажем, матерью, и другими вашими корреспондентами придётся вести старым, так сказать, дедовским, способом. Будете писать обычные письма: на бумаге. А наша Корпорация обязуется доставлять их в любой конец света в течении трёх дней. Соответственно, и ответы будете получать не позже трёх дней с момента их отправки.

Ого! Про систему срочной доставки Алексей, конечно, слышал... Правда, те брали обязательства доставлять всё, даже посылки – в течении суток. Но и драли – чуть ли не больше, чем стоил сам доставляемый товар. За письмо, как он узнавал лично – от 60 до 100 этих самых «у.е.». А этим три дня, наверное, нужны лишь для того, чтобы подвергнуть написанное незаметной для получателя «перлюстрации».

А он и не сомневался, что его будут прослушивать, просматривать, и всячески за ним «бдить». По-крайней мере, в первые три года.

– И ещё. Разумеется, вы столкнётесь во время работы с... желанием расслабиться, отдохнуть. Скажем, в каком-нибудь... соответствующем заведении – тем более что Омстердам в этом плане предоставляет массу возможностей. И поделиться своими... Хм. Новыми впечатлениями.

И, разумеется, наши, назовём их вежливо – недоброжелатели будут пристально наблюдать за вами. Чтобы не пропустить таких моментов, и использовать. Себе во благо, нам, соответственно, во вред... – снова хищная улыбка тронула превратившиеся в тонкую полоску губы, – Пожалуйста, ведите себя так, как будет оговорено в Контракте, в... каком бы состоянии вы ни находились!

Босс надолго замолчал, очевидно, исчерпав список угроз и предупреждений.

Алексей, решив, что терять нечего, всё же решился:

– Анвар Эргашевич. Позвольте вопрос?

– Разумеется. – после серьёзного тона сейчас голос звучал почти приглашающее. Из чего Алексей сделал вывод, что не только он в этом самом месте пытается что-то спросить.

– Если я... случайно... всё же что-нибудь раскрою... Ну, такого, что является коммерческой тайной. Что со мной будет? – помимо его желания испарина покрыла виски.

– Ну что вы, Алексей Семёнович, в самом деле! – Анвар Эргашевич уже вполне весело улыбнулся, и расслаблено поёрзал в кресле, – Нет-нет, мы вовсе не «ликвидируем» вас. И даже не будем, так сказать, «разбираться другими способами». Отнюдь. Наша Корпорация придерживается весьма гуманных норм поведения даже в отношении провинившихся сотрудников.

С другой стороны, разумеется, будет учитываться, насколько серьёзный урон вы нанесёте своим умышленным... или неумышленным «откровением». В самом худшем случае мы уволим вас досрочно. Разумеется, не выплатив последней зарплаты и выходного пособия. Ну, и проследим, чтобы в дальнейшем вас не принимали бы на работу... Наши дочерние предприятия. И деловые партнёры.

Проклятье! Мог бы просто сказать – дадим вам «волчий билет»!

Ясно. Наказание рублём – самое сильное наказание. И после такого «проступка» он может рассчитывать только на должность старшего помощника младшего ассенизатора...

С другой стороны – справедливо. Ведь убытки, которые можно нанести раскрытием секретов в сфере этой самой «высокой Моды» наверняка исчисляются суммами всё с теми же девятью-десятью нолями! А если такие секреты *продать*, то уж никто, наверное, не спасёт от пули наёмного убийцы: всё тайное рано или поздно становится явным.

Да из соображений только менталитета придётся убрать болтуна: чтоб не подрывать репутацию «фирмы»!

– Анвар Эргашевич, я вполне... Оценил демократический подход Корпорации. Если позволите, ещё один вопрос, – на благосклонный кивок он озвучил его, – Сколько времени у меня на... обдумывание вашего предложения?

Анвар Эргашевич взглянул на часы, висящие за спиной Алексея, прямо над входной дверью. Перевёл вполне «лучезарный» взор на потенциально «ценного» работника:

– На обдумывание у вас, Алексей Семёнович, не больше суток. Завтра, в четырнадцать ноль-ноль я буду ждать вашего ответа. С другой стороны, если вы не появитесь в этом кабинете до указанного времени, мы автоматически воспримем это как отказ от нашего предложения, и займёмся следующим... Кандидатом.

– Спасибо, Анвар Эргашевич. – Алексей с тяжёлым сердцем заставил непослушные ноги приподнять со стула чуть дрожащее тело, и протянул руку хозяину кабинета.

Тот пожал её твёрдо. Не доброжелательно, не угрожающе... Просто – твёрдо.

Покидая «Приёмную» Алексей не забыл поклониться, поблагодарить и попрощаться с Марией Ильиничной, ответившей на его «реверансы» весьма доброжелательно, хоть и коротко:

– Надеюсь увидеть вас и завтра.

Интересно, сколько человек она уже так напутствовала?!..

Дождался автобуса, доехал домой и поднялся к себе на шестой Алексей на автопилоте.

Ему даже в голову не пришло, что дома хоть шаром покати – нечего есть. И что можно уже смело разменять сотню из «неразглашенческих», и закупить, наконец, еды...

Однако часов в пять, устав ходить из угла в угол, и протирать и продавливать и без того протёртый и продавленный матрац, он спустился на улицу. Разменял сотню. Зашёл в супермаркет. Набрал еды – только на ужин и завтрак. Купил карточку. Положил денег на телефон.

Подсознание настойчиво кричало – да что там кричало: вопило! – что не стоит совать голову в явную петлю (Ну, или мышеловку!), а сознание «услужливо» подсказывало, что ничто не помешает этим чёртовым «работодателям» выдать ему волчий билет и в том случае, если он как раз откажется сунуть...

Еда не внесла спокойствия и умиротворения ни в желудок, ни в мозг.

Решив заняться, наконец, полезным делом – тем более, что думать оно не мешало! – Алексей взял флакон купленного средства «для мойки посуды», и занялся горой, скопившейся, как он теперь с содроганием вспоминал, не меньше, чем за неделю. Средство работало. Стопка чистых тарелок росла. А вот мысли дальше «помогите!..» не сдвинулись.

Кой чёрт понёс его в эту «Корпорацию»! Он что, вообразил себя Гением от Дизайна?!

У него ещё на курсе были конкретные проблемы с этим самым «креативом».

Ну не мог он разработать ничего принципиально Нового – самому-то себе он мог в этом признаться!.. А вот девочки из его группы, да и единственный кроме него парень – могли. Алексей же, как ни напрягал воображение, не сжимал голову в отчаянии руками, и даже не бил ею о стену, дальше вариаций от тех же Диванши, или Мармани позапрошлых сезонов в эту самую голову ничего не мог заставить прийти...

Поэтому получая сертификат, он отлично осознавал: модельера-созидателя из него не выйдет. Построить выкройку по созданной кем-то модели – пожалуйста! Немного переработать фасон, так, чтобы лучше соответствовал возрастной категории – без проблем.

А вот что-то своё...

Посуда в мойке как-то вдруг закончилась. Он сердито схватил полотенце.

Все восемь лет, пока он пытался работать «по специальности» нельзя, конечно, полностью охарактеризовать выражением «коту под хвост».

Ведь он действительно работал на потоке, создавал лекала и шаблоны. Корректировал. Осуществлял «авторский надзор» производства.

Первые четыре года, связывающие его с Домом Нанны Шугаловой, несомненно, и самые продуктивные... Если можно так сказать о добросовестном адекватном копировании и воспроизведении *чужого*.

Но разве он об *этом* мечтал? Стоять, словно простой инженер за кульманом где-нибудь на заводе, и скрупулёзно вычерчивать «виды спереди и виды сбоку» деталек, разработанных в виде эскизных набросков Асами из Конструкторского Бюро?

Метания по частным фирмам в поисках «лица», и места, где можно было бы «проявить свой талант и потенциал» привели его, наконец, в подпольный жайтайский цех по производству джинсов, курток, пуховиков, и спецодежды.

При воспоминаниях об *этой* странице своей «трудоустрой» биографии у него краснели уши и сильнее обычного дёргалась щека...

С другой стороны – отчаиваться, и подыскивать должность учителя или бухгалтера в родном «Задрючинске», наверное, всё же рановато. Пусть он – не Творец. Но определённые способности и возможности у него точно есть! На том же курсе даже Преподаватели подчёркивали, что никто из студентов столь педантично и, вот именно – скрупулёзно, не может воспроизвести фасон, предложенный для очередного разбора – уже в виде точных выкроек, как делал это он!

Диплом он всё-таки защитил на отлично! Поэтому и не удивился, что на него, и ещё двоих сразу поступили заявки от крупных Производителей.

Четыре года жизни. И – первая жена.

Теперь-то он уже не боялся признаться себе, что идея о лучшем месте для «самовыражения» – её.

Он – технарь. И действительно мог бы стать рядовым конструктором. Инженером. Добросовестным и педантичным исполнителем. «Воплощателем».

Чужих идей.

Так нет: ему все уши прожужжали «морем возможностей» и «непризнанными талантами», которые надо срочно где-то раскрыть, реализовать...

Первая же фирма, где он «создал» свою коллекцию, отказалась запустить её даже в мелкую серию. И теперь он отлично понимает, почему.

Никому не нужно подражание. Никому не нужно «развитие темы». И, конечно, никому не нужна «практичность и повседневность», на которые он сдуру сделал ставку. А если честно – просто боялся. Боялся показать свои «закидоны» в области оригинальности – чуял, что их-то точно не оценят...

Зря боялся!!! Это – МОДА, чёрт её задери!

А уж в высокой Моде: чем эпатажней, непривычней, *глупей* и эксклюзивней Идея – тем востребованней! Чем непрактичней и неудобней наряд – тем лучше! Тем громче гул пиара и экзальтированного восторга! Главное – эта самая чёртова *неповторимость!*..

Недаром же говорят, что человек, презирающий женщин, и выставляющий их полными идиотками, называется... Великий Кутюрье!..

Вот таким Великим Кутюрье, как он спустя каких-то восемь лет понял, ему уж точно не стать... С одной стороны – плохо. Но сколько таких же безвестных и непризнанных «гениев» плюнули, и ушли в ремесленники? Или – вообще – в менеджеры-клерки-разнорабочие?!

А он?

Ведь не сдался, не спился, и не вернулся домой. Он... Боролся?

Можно ли ежедневное отчаяние и добросовестное выполнение нудной и однообразной тяжёлой *работы* назвать Борьбой?

Когда ты, отлично осознавая равнодушие окружающих, не связанных с тобой по этой самой работе, и почти неприкрытую зависть и ненависть тех, кому ты – конкурент, вынужден

по восемь часов «выдавать продукт», причём – без ошибок и «производственных потерь», поневоле взвоешь... И захочешь кого-нибудь убить.

Причём – всё равно, кого!..

Нет, рассудок у него вполне крепкий. Он пережил и это, и разрыв с «вдохновительницей», которая вначале делала вид, что переживает за его неудачи и обломы, а потом и делать перестала...

Хорошо хоть, совместных детей у них нет. Впрочем, кажется, после неудачной операции времён «бурной молодости» это ей и не грозило. Повезло, ничего не скажешь.

В-смысле, ему.

С-сука ...ная!.. Б...! Ш... расчётливая! Не надо было слушать её...

Впрочем, и сам хорош.

Да и чего он так завёлся, что аж руки трясутся? Вспомнил статистику самоубийств и алкоголизма среди «творческих личностей», и невестребованных артистов?

Ну да, вспомнил.

Если верить социологическим исследованиям чёртовых учёных, по десятибалльной шкале стрессов они имеют семь и две десятых. А выше них, с показателем семь и восемь – только шахтёры... Не то, что, скажем, библиотекари: два и шесть! Жаль только, читать он не очень любит – а то бы точно пошёл в какие-нибудь архивные черви.

Э-э, кого он обманывает. Не пошёл бы. Он – дизайнер. А дизайнерам свойственны падения-взлёты как самооценки, так и вообще настроения. Вот: он успокоился. Почти.

Тщательно вытерев руки давно посеревшим и насквозь вымокшим истончившимся полотенцем, он повесил его на простой гвоздь в стене, и прошёл к столу.

Ага, мобильник зарядился. Вздохнув, он посмотрел в угол. Ничего ободряющего. Зато, когда он похлопал по карману, девять оставшихся бумажек приятно похрустели.

Оставив зарядку включённой, он сошкреб защитный слой с карточки. Так. Теперь так. А теперь – код и городской...

Сколько же он не звонил матери? Полмесяца? Месяц?.. Да нет – уже два.

Слушая гудки, он кусал губы. Как она отнесётся? Или – нужно будет всё-таки съездить? Нет, не успеть – даже если ехать вот прямо сейчас... Он надеялся, что двадцати минут карточки хватит. Даром, что ли, «обязался не раскрывать»!..

Голос, возникший вдруг в трубке принадлежал тётке:

– Аллё? Аллё – кто это? Говорите громче!

– Тётя Шура!!! Здравствуйте! Это Алексей! – он так и делал, отлично зная, что тётка хоть и глуховата, (якобы) слышит звонок и хватает трубку всегда первая, – Алексей это!

– А, Лешик! Здравствуй, солнышко моё! Ну, как ты там, как Леночка?

Вот вредоносная старуха! Отлично знает, что он «Леночку» послал лесом уже три года как, и всё подкусывает! Ну погоди ж ты!

– Леночка уехала в Магадан, на лесозаготовки, и больше не звонит. – насладившись лёгким замешательством на том конце провода, он посерьёзnel. – Тётя Шура! А мама дома? Можно её?

– А, да-да, Лешенька, конечно! Вот, она уже берёт трубку!

Разговор предстоял тяжёлый. Правда, тяжесть его заключалась только в моральной стороне.

В их странных сложно-натянутых отношениях Алексей никак не мог разобраться чуть ли не с пяти-шести лет. Когда впервые осознал, что Мать его не столько любит, сколько хочет с помощью его «гениальных» способностей утереть нос остальным Родственникам и знакомым.

Один только табурет с песнями и стихами собственного сочинения на каждый семейный Праздник с неизменным приглашением всей родни чего его нервам стоил!

– Алло! Лёша?

– Здравствуй, мама. Да, это я. Ну, как вы там?

– Здравствуй, моё солнышко! – теплота в голосе всегда отлично удавалась матери. Особенно, когда поблизости были свидетели, – Всё в порядке. А как ты сам? Работаешь? Здоров? Ну, рассказывай! Давненько ты что-то не звонил...

– Да что рассказывать-то... Всё потихоньку. Мам, я чего звоню. Мне предлагают хорошую работу... За рубежом. Но... Надо заключать контракт года на три, не меньше! Вы как – продержитесь столько без меня? – вопрос чисто риторический. А то они не «держатся» без него уже почти восемь лет! Приезды на выходные два-три раза (Один – с этой самой Леной!) явно не в счёт. Он ни крышу не перестилал, ни огород не копал...

– Что ты говоришь, Лешик? Я чего-то недослышала... – в трубке потрескивало, голос матери прерывался. Он повторил помедленней, стараясь чётко выговаривать слова:

– Я говорю, предлагают хорошую работу. За рубежом. На три года. Сможете обойтись пока без меня? Я... постараюсь высылать деньги на хозяйство!

– А-а... Хорошо, Лёшенька, я поняла... Езжай, конечно... Вдруг там сможешь закрепиться... Было бы хорошо, наверное... (Он так и не понял, кому – ему или им.) Звони хоть иногда.

– Обязательно. Буду... писать. – вспомнив в последний момент о запрете на звонки он вовремя поправился, – И денег постараюсь высылать почаще... Может, наймёте кого – крышу-то перекрыть!

– Да-да, обязательно... Как там у тебя здоровье?.. Не болеешь?

– Нет-нет, мам, всё отлично. Одеваю нижнее бельё когда холодно, и невымытых фруктов не ем!

Эта традиционная шуточка родилась из регулярных же напоминаний... А других «полезных» советов он почти никогда и не слышал.

И это – от родной-то матери.

Может, сам виноват – сразу резко отдалился, когда перебрался в город? А ещё больше – когда почувствовал самостоятельность и независимость, получив ту, первую, престижную и неплохо оплачиваемую, *работу*...

– Ну хорошо... А у нас тут новость – Лариса замуж вышла. Во второй раз.

По сердцу резануло.

А кто ему, барану амбициозному, мешал стать первым мужем своей смешливой и хорошенькой одноклассницы? Или он втайне всё же надеялся – что после разрыва с первым мужем, алкашом старше Ларисы на пять лет, но от этого ничуть её не умней, она-то уж дождётся *его*... Не дождалась.

Да он и не намекал.

Сам дурак.

Значит – тем более – можно ехать. Ничто не держит.

– Очень рад за неё. Передай мои поздравления... Мам, ну так вы – как? Продержитесь?

– Ну а почему не продержаться? Наше дело пожилое: знай себе ходи до магазина, да обратно... Пенсию-то на дом приносят. Это вам, молодым, надо ещё на эту самую пенсию заработать! Так что давай – подписывай свой контракт, да смотри – не пей там, в заграницах, много спиртного!

Он рассмеялся. Мать не оригинальна. То же самое говорила и восемь лет назад, и в каждый его приезд. С другой стороны – если бы батяня не пил, не свалился бы пьяный с крыши... Может, поэтому сам Алексей и не рвался никогда перестилать её. А вот пить...

Как отрезало – хоть не из-за батяни, а из-за прадеда... Алексей и правда, никогда не пил иначе, чем «за компанию». Или – для дела. Ни для кого не секрет, что здесь, в Столице, такой менталитет: «если ты не пьёшь с нами за общее дело – значит, что-то против нас задумал...» Гад такой.

Бизнес-отношения по-русски... Попробуй тут не выпей.

– Ладно, мам, не буду. Чесс слово! Завтра вышло вам через Бестер-юнион молларов триста... На первое время. Потом – как смогу...

– Вот и хорошо. Ты, Лешик, не беспокойся – у нас тут пенсии-то снова прибавили... Спасибо Мутину... Так что протянем. Ну а если сможешь – присылай, конечно. Только чтоб тебе не накладно было. Триста на крышу-то должно хватить...

Алексей прикинул, что – да. Единственный его вклад в ремонт пресловутой притчи во языцах: закупка пять лет назад металлочерепицы, которая с тех самых пор так и лежит в сарае. Ждёт мастеров-кровельщиков. А то деревенские-то все...

Как батяня. Или прадед.

А всё равно – отца он почему-то вспоминал с каким-то душевным теплом!

Может, потому, что тот водил его на рыбалку. Стругал ему кораблики. Научил класть кирпичи. (Отцов отец, то есть, дед – Михаил Макарович – был деревенский печник, и батяня ещё помнил кое-что из этой сложной науки!)

Или, может, из чувства противоречия – оттого, что мать всё время ругалась на живого, и костерила, даже уже когда...

– Пришлю, мам. Ты уж найми кого в городе-то, по объявлению... Или лучше – сама съезди, поговори, выбери посолидней. Непьющих. Пусть посмотрят, да доски проверят – вдруг погнили...

Доски-то точно погнили. Он сам осматривал чердак, и видел: брусья стропил ещё ничего, прогнулись только. А вот доски под шифер придётся менять. Обязательно нужно выслать потом ещё денег.

– Да-да, съезжу... Лешик, ты уж за нас не переживай – как-нибудь выкрутимся. Сам смотри – поосторожней там! Люди всё-таки чужие, мало ли как там у них заведено...

– Да, мама! Конечно. У меня всё будет нормально.

После ещё нескольких фраз в том же ключе, разговор сошёл на нет.

И он не знал, что говорить дальше, и мать молчала. Только тяжело дышала в трубку.

– Ладно, мам. Целую вас обоих. Как доеду и устройсь, обязательно напишу. – к счастью, это не выглядело слишком уж подозрительно. Интернета в их селе точно не было, а даже если б и был, вряд ли его мать с тёткой освоили бы, и рьяно пользовались.

– Ну, счастливо тебе, Лешенька... Ты уж поберегись. Удачи тебе.

Разговор с матерью, как и всегда, оставил неприятный осадок.

Ну почему, почему он не может простить ей?!

Ведь ничего откровенно плохого она ему не делала?!

Почему же он ещё тогда, в шесть лет, почувал, что... Нелюбим?

Может, это из-за аборта, который мать сделала, чтобы младший брат не родился алкашевым дебилом? А подобрать момент, когда батяня был бы «в форме» оказалось уже невозможно? Может, этот, младшенький, и намечался матерью в баловни и любимчики? И раз он не появился – чувства оказались невостребованы, а на старшенького была переложена вина за всё это: за нерожденного «заиньку», за алкаша-отца.

А позже – и за горькую долю вдовы?..

С другой стороны – ему грех жаловаться. Ведь мать не привела отчима...

Не нашла? Или – не искала?

Нет, не искала. Работала на ферме, пока ещё была работа. И на пенсию выйти успела до того, как ферма прогорела... Где уж тут искать.

Собственно, выбора-то в их деревне и не было: все такие же, как «рубаха-парень» батяня. А после «великого развала» многие просто подались в город. В их деревне до сих пор: на каждого старичка – пять старушек. Впрочем, наверное, уже шесть...

О детстве вспоминать Алексей не любил. Хорошо хоть, понимал, что от учёбы действительно зависит его будущее: не сачковал, а зубрил. Корпел, как зануда-ботаник. И из чтения учебников выносил реально больше, чем из объяснений Валентины-ванны, вдовой учительницы-зануды. Лучше всех сдал ЕГЭ. Терпел шуточки и зависть мальчишек, и пренебрежительное отношение девчонок – ещё бы!

На дискотеки, или Дни Рождений, его отпускали «Только до одиннадцати!» И когда без пяти он, провожаемый подколками и смешками, отваливал «маме под юбку...», обидно было до слёз.

Но всё же лучше, чем выслушивать истерики и рыдания в случае задержки: как он «разбивает её сердце» тем, что она «должна переживать и волноваться за него!..»

Чтобы оторвать мозг, наконец, от тягостного «ностальгирования» по безвозвратно ушедшим и сравнительно (Это он только теперь понимал!) беззаботным годам, он включил ящик. Он обязан быть «в курсе». Придётся смотреть новости.

Ни черта они не смотрелись.

Память всё возвращалась к сценам детства. Да, это – точно от предвкушения грядущих перемен! А у него всегда перед серьёзными событиями в жизни – сеанс «экскурса в Прошлое»...

Вот он восьми лет, и сосед – такой же пацан: сидят на плетне. Вот подошедшая незаметно сзади мать даёт ему подзатыльник, и кричит. Ругается. Стыдит. За то, что таскал соседские груши... Её пронзительно-ненавидящий взгляд проникает аж до самого желудка, заставляя сжиматься в тягуче-ледяной ком все кишки! А голос буквально режет барабанные перепонки.

А ведь сосед Колька, у которого спереди всё предательски торчит буграми из-под рваной майки, нарвал тех же самых груш, и – там же!

Но он – не сын *ego* матери. Ему подзатыльника не будет... Так что может смотреть на экзекуцию, и продолжать «позорить» своих родных в глазах всего села!..

Почему, почему не может он простить этого, и ещё десятков таких взглядов, подзатыльников, шлепков, и других, вроде, мелких, но не менее откровенно сказавших ему всю правду насчёт «великой материнской любви», фактиков?!

Может, это – из-за моментов, когда в присутствии родных и соседей мать, уже улыбаясь и приветливо приговаривая «Ах ты, моё золотце», обнимает и целует его? А он, тысячу раз «инструктированный», и битый за строптивость, только сопит?.. И терпит. Эти самые объятия и неизбежное, как «Спокойной ночи, малыши», залезание на стул...

Работала ли она «на публику»? Или это только он, с обострёнными до боли подростковыми инстинктами, чуял фальшь?

А может, и не было никакой фальши? Может, мать просто любит его так... Своёобразно? Он встал. Снова заходил из угла в угол.

Хорошо, что он не курит – пачка точно закончилась бы!..

Нет, это не дело. Самоедские комплексы нужно засунуть в ...опу, и думать о предстоящей работе. Думать конкретно. Что нужно сделать, чтобы завершить свои дела здесь?

Квартира. После ухода Лены здесь... да так же, как и с ней – тоскливо и как-то казённо. Наверное, как и на всех съёмных. За которыми не следят ни владельцы, ни жильцы. Не Дом – а «место обитания»...

Нужно, значит, созвониться с хозяйкой. Отдать должок за месяц. Вернуть ключи.

Дальше – уже касающееся себя, любимого. Упаковать сумку. (Сумка у Алексея была знатная: в такую можно было влезть самому. Оставил в знак огромной благодарности один борец, которому перед поездкой на олимпиаду Алексей срочно – за одну ночь! – подогнал шикарный, но «плохо сидящий» костюм!)

Затем – попрощаться... Хотя – с кем?..

Но собираться всё равно надо.

Впрочем, нет – ещё рано.

Мало ли какие неожиданности встретят его в чёртовом Контракте... Вдруг – неприемлемые? Он точно знает: Омстердам – столица развлечений, представителей «нетрадиционной ориентации», да и вообще – эпатажа! Чем это грозит непосредственно ему?

Алексей поймал себя на том, что опять пялится в темноту за окном, а диктор что-то бубнит уже о погоде. Ха! Вот и «приобщился» к событиям в Мире... Нельзя быть таким... Импульсивным.

Ого! Полпервого. Ну-ка, «Лешик», марш в ванну – чистить зубы.

Поставив будильник на восемь, он начал разбирать постель.

Сегодня Анвар Эргашевич явно относился к нему куда «добрей».

Нет, серьёзно: Алексей почувствовал перемену в лучшую сторону в отношении к себе – ещё во взгляде Марии Ильиничны. Да и сейчас, хотя матёрый волк от бюрократии ничего, вроде, не изменил в тоне и всем остальном, чувствовалось, что он рад согласию поработать на Корпорацию нового «креативного» дизайнера.

После обмена крепким рукопожатиям и приветствия, сразу перешли к делу.

– Вот стандартный Договор, который вам, Алексей Семёнович, предстоит внимательно изучить, и уж тогда решить – с нами вы, или... Прошу. – лёгкий жест рукой показал Алексею, что от него ждут прочтения трёх страниц прямо тут, на месте.

Чёрт возьми! Что же, этот документ даже нельзя выносить из кабинета?! Может, он и храниться будет в сейфе? Впрочем, почему – может? Наверняка так и будет.

Со внутренним (Ещё бы – стыдно показать, насколько ему страшно!) трепетом (Что же там за ужасы?!). Алексей взял казённого вида листки, скреплённые степлером.

Взглянул на чиновника. Тот сдержано улыбнулся, найдя нужным пояснить:

– Да-да, читайте прямо здесь. Потом спросите, я поясню неясные пункты. – после чего сделал вид, или правда, уткнулся, в огромный меморандум, лежащий перед ним – даже нацепив очки. Его очки, правда, были не как у зама, а скорее, чисто функциональны: в простой чернённой металлической оправе, и не меньше плюс двух. Значит – рабочие.

Алексей честно постарался вникнуть.

Хм. Хм-хм... Да. Странно.

Неясных пунктов из первых же пяти набралось сразу три. Ну вот хотя бы:

«Обязуюсь предоставить моё тело для полного обследования с целью выявления скрытых имплантов (Блин! Каких ещё имплантов?!)... Для чего согласен проследовать в Филадельфию»!

Чёрт возьми! Его что же, в Надерланды повезут – через Бамерику?!

Или вот: «Обязуюсь не пользоваться услугами Бестер-юнион ни для получения, ни для отправления...» И как тогда он сможет перевести матери обещанные деньги?!

Ну а это уж ни в какие ворота: «Обязуюсь за время действия данного Контракта ни с кем не вступать в нотариально оформленный брак». Вроде и коротко, и ясно, но...

Вот именно – ни в какие ворота! Это же... Нарушение его «Прав Человека!» А кстати – там же рядом и Гаакский трибунал как раз по этим самым «Правам...»

Чувствуя, как вопреки стараниям то краснеет, то бледнеет лицо, он продолжал изучать пункты – их набралось сорок два – и старался удерживать уже руку: её всё тянуло почесать затылок!

Что за ...ня! Куда это он ввязался?! Нет, это – не промшпионаж! Это, это...

Средневековье какое-то! словно он – какой-нибудь целомудренный Крестоносец, призванный «нести свет христианства» заблудшим овцам-иноверцам, и поклявшийся свято хранить секреты своего рыцарского Ордена, и блюсти «девственность»!

Нет, он, конечно, не моралист какой... Но требовать от него, чтобы он все три года оставался... Хм. Без «зарегистрированных отношений» с противоположным полом... Да ещё – если этот самый пол будет представлен манекенщицами... Нет, они, конечно, на любителя, но... Он же – ещё не старик, у которого всегда «на полшестого»!.. И как же – пресловутое «волшебство вдохновения» от «муз-обольстительниц»?

На изучение и попытки осмыслить происходящее ушло минут двадцать.

Когда Алексей поднял, как он сам чувствовал, пышущий «справедливым недоумением» взгляд от бумаг, Анвар Эргашевич, словно только этого и ожидавший, отодвинул к краю стола изучаемый фолиант. И... Весело улыбнулся:

– Спрашивайте, спрашивайте, Алексей Семёнович! Вижу, вы в полной мере насладились искусством наших юристов! Но – что сделаешь! Сейчас без казуистики – никуда!..

– Да уж... То есть – да. Анвар Эргашевич! Вопросы, конечно, есть. Ну вот, например пункт два – один. Насчёт брака...

– Да. Естественно, он связан в первую очередь с сохранением коммерческой тайны. Ни для кого не секрет, что официальному мужу (а в вашем случае – жене) можно выболтать... То, что не положено раскрывать, и, так сказать, *неумышленно!*

Например, во сне! Многие, знаете ли, разговаривают во сне. Например, даже я – когда простужен, при высокой температуре. Иногда... Во всяком случае, так уверяет жена. Однако.

Алексей Семёнович. Мы не ханжи. Мы прекрасно понимаем, что вы – молодой и здоровый мужчина. Со всеми вытекающими потребностями.

И мы никоим образом не хотим, чтобы вы изображали там целомудренного, или, скажем, монаха... Однако поймите и нас: приобретённые вами *там* знакомства, или связи, ни в коем случае не должны быть... Скажем так, как в Договоре: *оформлены нотариально*. Или носить *постоянный* характер.

В остальном же Корпорация никоим образом вас не ограничивает!

Вот это да!.. То есть его отпускают – словно козла в огород: порезвиться, чуть ли не подталкивая к... беспорядочному сексу!!! Ну уж он-то... Хм-м... А может – и нет. Всё-таки – Омстердам... Страшновато. Но в целом – звучит, вроде, неплохо.

И – да, теперь с *этим* пунктом всё более-менее ясно.

– Спасибо за... э-э... Исчерпывающие объяснения. Но – вот ещё пункт четыре-два. Где говорится о запрете пользоваться...

– Услугами Бестер-юнион? Да, мы включили этот пункт в контракт. Поясню.

По вашим переводам, и их суммам и срокам, наши... недоброжелатели могли бы сделать выводы о сроках получения вами заработной платы, или – косвенно! – о её размере. Поэтому, если взглянете в пояснение, (Алексей уже взглянул, и сейчас только кивнул) там указано, что любые суммы, которые вы захотите перевести любому вашему респонденту в любую страну мира, будут доставлены *нами*, тем же способом, и в тот же трёхдневный срок, что и письма.

Да, это, разумеется, сложно, и требует большого штата курьеров и прочих... специалистов. Но! Мы считаем, что интересы наших работников заслуживают того, чтобы мы пошли на такие... Да и некоторые другие, жертвы.

Однако не надо считать нас альтруистами. – хищная жёсткая улыбка снова тронула уголки губ чиновника. Не позволяя, действительно, посчитать его таковым, если б вдруг у Алексея мелькнула столь глупая, или наивная мысль.

– Всё это вызвано всё тем же стремлением во что бы то ни стало обеспечить комфортные условия вашей, и других сотрудников, продуктивной работы. И максимально обезопасить производственные секреты Корпорации.

Да, Алексей вполне оценил это «стремление». Впрочем, какое его собачье дело, сколько денег они тратят на секьюрити, кодовые замки, штат перлюстраторов, электронные средства

защиты и прочие ухищрения? Раз всё это – работает, значит – вызвано жизненной необходимостью. Или – что вернее! – прецедентами...

– Я понял. Спасибо. Дело в том, что мне действительно нужно будет перевести матери...

– Никаких проблем. В любой момент там, на месте, сообщите нашему специалисту по стаффингу сумму, которую хотите перевести, адресата, и дату пересылки. Бухгалтерия автоматически удержит у вас из очередной зарплаты сумму перевода и шесть процентов накладных. Кстати. Письма будете передавать через того же человека.

– Понял. С-спасибо. (Он подумал, что глуповато – за каждое разъяснение благодарить. Но *не* благодарить – невежливо.) И вот ещё один пункт. Насчёт поездки в Фитадельфию. Визы у меня...

– А-а, не беспокойтесь, – Анвар Эргашевич небрежно махнул холёной ручкой так, словно бюрократические неизбежные формальности, потребовавшие бы в обычных условиях месяца три, для Корпорации были плёвым делом! (Если так – то Алексей, похоже, попал под нужное «крылышко») – Обо всех необходимых формальностях позаботятся. Работники нашего визового отдела. А вот дата поездки в Бамерику зависит только от вас.

То есть, вот сколько времени вам, Алексей Семёнович, понадобится на... Улаживание всех проблем здесь, чтобы выехать из страны на первые три года?

– Ну... дня три-четыре.

– Отлично. Срок вполне разумный. Тогда скажем... послезавтра вы сдадите Мирии Ильичне паспорт, и ещё через двое суток наш человек будет ожидать вас прямо в аэропорту. С билетами, и всем... что необходимо для полёта в Нью-Ок, Фитадельфию, и затем – снова в Нью-Ок, и в Омстердам.

Алексей чего-то такого и ожидал. Корпорация-то ему попалась – палец в рот не клади! Но тут хоть ясно, за что он будет страдать. Не то, что в случае с жайтайской мафией...

Кивнув, он потянулся к знакомому пресс-папье. Анвар Эргашевич чуть подвинул его в сторону Алексея, и достал второй экземпляр контракта:

– Будьте добры, Алексей Семёнович, на каждой странице... С расшифровкой.

Совершив «священнодействие», и проставив везде и дату, Алексей почувствовал себя куда легче. Как говаривал один древне-римский грек, «Рубикон пройден!» Впрочем, может это был и древне-греческий римлянин...

На «улаживание» всех дел и проблем действительно ушло два дня.

Больше всего хлопот вызвала «пересдача» квартиры обратно хозяйке.

И чашек-то у неё было больше, и кастрюля оказалась с отбитой эмалью, и простыни – теперь только выкинуть...

Алексей, нагло ухмыляясь в сосредоточенно-лицеменное лицо, спросил, а что она будет делать, если он вот просто откажется «компенсировать»?

С судебными приставами бегать за ним по «Задрючинску», куда он направляет стопы? А если он в ответ сообщит тем, что у неё нет патента на «Предпринимательскую деятельность», и примерно укажет сумму недополученных Государством Налогов?..

После уверений в том, что у пенсионерки и без того хватает хлопот и забот, сторговались на тридцати «у.е.» в компенсацию... Алексей про себя посмеивался: он бы заплатил и сто, но сопротивлялся из принципа: тренировка, так сказать, «межличностных доверительных отношений».

А ещё за эти два дня он тщательно прорабатывал свою тетрадку с записями с Курсов ангальского... Одно дело – разговорный на бытовом уровне, другое... Профессиональный жаргон. Да и словарь придётся захватить – переводчик в телефоне полезен, но... Лучше всё необходимое для бытовых и производственных разговоров иметь в голове!

Мария Ильинична позвонила ему на следующий же день после сдачи паспорта.

– Доброе утро, Алексей Семёнович... Благодарю, хорошо... Ваш рейс – завтра. Вылет из Шаруметьево-два в восемнадцать двадцать по Мосмовски. Желательно, чтобы вы были там хотя бы за два часа. Наш сотрудник сам подойдёт к вам. Или, в самом крайнем случае, звоните мне. Я состыкую вас.

Ещё раз пожелав Марии Ильиничне благополучного дня, Алексей спрятал телефон в нагрудный карман рубахи – мало ли! – и снова присел на продавленный матрац постели.

Сегодня он ночует в Городе-который-слезам-не-верит в последний раз.

Вернётся ли он сюда после «работы за рубежом»?

Вряд ли. Он...

Постарается зубами и ногтями закрепиться там. Может, и необязательно в Омстердаме, но – в Корпорации.

Пусть это и чёртова Мафия – но явно солидная! Не какие-то там нелегальные эмигранты с пуховиками и куртками! Или Юдашкинды-Кроликовы...

Возможно, (Вернее – он практически в этом уверен!) Корпорация ловко обходит одни законы, и с помощью штата борзых юристов-крючкотворов игнорирует другие, но уж в том, что денег у них неслучайно-немерно, равно как и то, что других нужных для безостановочной и гладкой работы «колёсиков», «рычагов воздействия», хватает, он тоже уверен!

И если он докажет лояльность, «личную преданность», и добросовестное отношение к Делу, ему... Дадут бутерброд с маслом. А может – и с колбасой.

Промышленный шпионаж? Или – творческий? Кража Идей, макетов, «пилотных» образцов? Массовый выброс на рынок продукции конкурентов раньше, чем те сами наладят производственный процесс? Чертовски похоже.

А что – он, возможно, и нарушит чью-то «интеллектуальную собственность», но ведь к его-то Родине это точно не будет иметь никакого отношения! Здесь домов Высокой Моды всего три. И, как они ни пыжятся, до мировых трендов им – как до звезды. Те же Василий Кроликов и Миша Юдашкинд отнюдь не являются мировыми законодателями. Все «законодатели» сидят в старушке-Явропе, и тщатся выделиться среди остальных гениев и светочей всё более яркими, эпатажными, и оригинальными Продуктами...

Ладно, он обдумал все возможные последствия такой работы ещё до того, как подписал.

И в одном уверен точно: если проявит себя аккуратным и педантичным Мастером, (пусть и без собственных «Идей») его точно не пристрелят... И не «выставят». А постараются «использовать». Рационально.

Вот и хорошо. Наверное, приятно быть вассалом.

Да, похоже, именно этот средневековый термин подходит лучше всего...

Всегда знаешь, что если будешь танцевать нужные танцы под музыку Кормильца-поильца, будет и гарантированный кусок пирога. И «крыша» над головой. И «разрешённые» милые, согревающие душу, шалости. Хоть с теми же «музами-90-60-90»...

Что это такое? Чувство защищённости? Вот, *это самое*, что он ощущает сейчас?

Алексей встряхнул головой: после модной стрижки волосы никак не желали «отойти», а волоски, нападавшие за шиворот, всё ещё кололись. Хорошо хоть, приторно-вонючим лосьоном запретил брызгать...

Ну что: позвонить бывшей? Похвастаться? Унизить её дурью типа «А ты в меня не верила»? Послушать, как она будет ругаться?

Нет. Бывшая обладает стальными нервами, и, если можно так выразиться, «унижение-стойчива».

Вероятней всего, она чуть приподнятым тоном скажет, что очень рада... за него... И желает, конечно, всяческих успехов на новом месте и поприще. Злиться будет уже потом, положив трубку.

А, может, и не будет.

Он вдруг поймал себя на том, что не знает, что же Лена делала весь последний год. А если она устроилась ещё лучше его? Вдруг какой-нибудь Большой Босс взял её, наконец, в содержанки? Ведь «наштукатуренная» и «прикинутая» его бывшая дама сердца смотрится обалденно...

Он не обманывал себя: в их тандеме именно она была ведущей. И именно он испытывал к ней более сильные чувства. Да, ему бы хотелось начать всё с начала, и чтобы у него уже была хорошая работа. Но...

Лена не вернётся. Она не повторяет дважды глупых ошибок на пути методично движущейся в Вершине, беспринципной карьеристки.

А он в этом неуклонном подъёме по лестнице амбиций – ошибка. Ей не такой был нужен. А реально – высокопоставленный «субъект».

И это *он* боится звонить ей...

Нет, не будет он звонить ей. А вот позвонит-ка он бывшим однокурсникам. Про новую работу (Упаси боже!) ни слова не скажет – мало ли! Вдруг у телефонов уже «выросли уши»!

Впрочем, что значит – вдруг! Он потерял бы уважение к новым работодателям, если бы те «пренебрегли» прослушкой!

– Алле! Здравствуйте... А Петра Васильевича можно? Что?.. А-а... Нет, это Алексей – ну, Лёша!.. Ага... Понятно. А когда освободится?.. Спасибо. Извините.

Вот это – да! Петька устроился секьюрити – ну, проще говоря – ночным сторожем – в гипермаркет, и сегодня дежурит. Хм...

Девочкам с курса звонить почему-то не очень хочется. Может, разве, Эльвире...

– Алле! Добрый вечер. А Эльвиру можно? Ох, это ты – не узнал, не узнал... Богатая будешь! Ха-ха-ха... – он и не пытался скрыть, что и сам не слишком-то верит в старую дежурную хохмочку, – Ну, как сама?.. Ого! Молодец. Так держать. Как назвала-то?.. Правильно – рождаемость в стране надо повышать! Да и деньги лишними не бывают... А твой-то как там? Всё ещё дальнобойщиком? Д-да, конечно, хорошие, но уж больно опасно... Эльвир, я чего звоню-то... Ты с нашими-то поддерживаешь? А-а, только с Катькой... Ну и как она? Да ну!.. Вот блин. Неужели никто так по специальности... Жаль-жаль...

Сам-то? Да у жайтайцев, будь они трижды неладны!.. Нет, пока платят... Ха-ха. Точно, не больно-то разгуляешься... А подвал – просто жуть!.. Сыро, холодно...

После ещё пяти минут дёрганного и явно обоюдостесняющего разговора тот был прерван детскими криками, и уверениями собеседницы в том, что у неё суп на плите, и ребёнок просится пи-пи, после чего они спешно распрощались, традиционно пожелав друг другу всех благ.

Подумаешь: когда Алексей хотел отделаться от занудного или нежелательного собеседника, он и сам пользовался похожим приёмом. Только он говорил, что кто-то пришёл и стучит в дверь... Или звонят по другой линии. Или, в крайнем случае, да – что убегает суп на плите.

Какой, на фиг, суп – он уж забыл, когда в последний раз ел нормальную, «человеческую» еду. Приготовленную с чувством, с толком, с расстановкой. Заботливой Хозяйкой. Налитый в чистую тарелку. Поставленной на выстиранную и выглаженную скатерть.

Вот, значит, какие дела. Не знает даже Эльвира – самая въедливая и пронырливая тугарка, из всех, кого он встречал – никого, кто из их выпуска работал бы по специальности...

Значит, всё же – повезло ему. Или сработал, наконец, фактор настойчивости? Недаром говорят – капля камень точит... С другой стороны, может, как раз из-за нехватки импульсивности, способности мозга мгновенно переключаться, смотреть на проблему под новым углом, он и не... Творец?

Да, он и занудный, и скучный. «Пыльный», как говаривала бывшая. Но и – настойчивый. Может стиснуть зубы и терпеть. Как он, собственно, и делал все эти годы...

Только кто оценит этот дурацкий «подвиг»?! Вокруг почти все – такие же.

Думают, что только вот одни они такие на свете – талантливые, чуткие, ранимые, заслуживающие лучшей участи! Но им не дают по-настоящему раскрыться: разные досадные и постоянно возникающие, посторонние, и не очень, проблемы, обстоятельства, завистники, и, разумеется, ничего в их тонкой натуре не понимающие окружающие чёрствые ослы...

Так «творцы» и ожесточаются: отчаиваются создать «шедевр всей своей жизни». Отчаиваются хоть на пять процентов самореализоваться. Отчаиваются в своих поисках сочувствия и понимания. Молчат. Делают свои нетворческие дела. Зарабатывают хотя бы на кусок хлеба – пусть даже и ночными сторожами... Терпят.

Нудную и обрыдшую работу. Глупого и тоже не понявшего «творческих порывов» сожителя или сожительницу. А потом и вечно вопящих сопливых детей...

Да уж, Эльвире теперь точно не проявить своих способностей. А ведь реально были – куда до неё Алексею, с его «бедным», и сугубо приземлённым воображением!

Если бы ещё педагог, Тамара Павловна, не сказала ему тогда, уже после выпуска, наедине... Жестоких, но – как он теперь понимал, справедливых, слов.

Э-эх, Прошлое... Не вернуть тебя никогда.

Да и ладно.

Кто слишком уж часто роется в прошлом, может профукать собственное Будущее.

Со стоном поднявшись с кровати, он прошёл в ванную.

До аэропорта он доехал на такси. А какой смысл теперь экономить скрупулёзно откладываемые робли?! Там, куда он отправляется, нужны только эти самые «у.е», которые он догадался разменять на мелкие купюры. И которых осталось, кстати, маловато...

Внутри аэровокзала царил привычная сдержанно-деловая атмосфера. Люди в костюмах и с дипломатами, деловито идущие «твёрдо-зная-куда». Раздолбай-туристы: прилетевшие – с вялым интересом смотрящие вокруг себя, улетающие – сосредоточенно хмурые, и стремящиеся поскорее «разделаться» с чёртовым отдыхом. Чинно-чванливые мамы с тщательно одетыми во всё лучшее малышами, словно (Или не-словно!) нарочно всё время что-то у этих малышек в костюмчиках поправлявшие, одёргивающие, и горделиво оглядывающиеся вокруг: оценил ли кто из других женщин (Мужчинам-то – наплевать!) насколько дорогой наряд на их капризном чаде, и насколько заботлива она, юная состоятельная (!) мамаша... Персонал аэропорта: с застывшими, и, словно зафиксированными навеки на аракале как рекламные наклейки, приклеенными, дежурными улыбками.

– Алексей Семёнович? – откуда-то сбоку, очевидно, отделившись от одной из колонн, возник приятный молодой человек в тёмно-синем костюме. Сам Алексей был в сером, и некстати подумалось, что вместе их «цветовая гамма» не слишком... Гармонирует. Плевать.

– Да, это я. – он переложил большую спортивную сумку в другую руку, чтобы поздороваться.

– Очень приятно. Я – Сергей Александрович. – Алексей пожал мускулистую тёплую руку.

– Мне тоже.

– Мария Ильинична просила передать вам. – молодой человек протянул непрозрачный пластиковый пакет. – Здесь все необходимые документы, ваш паспорт, и уже заполненная таможенная декларация. Можете сдать багаж, и проходить прямо на посадку.

– Благодарю. – ещё раз пожав крепкую кисть Алексей подивился, что после этого никаких дополнительных инструкций не последовало, и Сергей Александрович развернулся, явно собираясь уйти. Алексей поторопился уточнить, – А там... Меня встретят?

– Да-да, Алексей Семёнович, разумеется. Вас будут ждать прямо в аэропорту.

– Благодарю ещё раз. – Алексей, получив в ответ дежурную улыбку, долго смотрел в аккуратно и коротко (совсем, как теперь и у него) стриженный удаляющийся затылок.

Уважение к Корпорации, если только это было возможно, возросло ещё.

Отходя к колонне, он проверил документы. Действительно, всё оказалось на месте, и оформлено. Он рассовал всё по нагрудным внутренним (Мало ли!..) карманам. Пустую папку впихнул в урну. После чего подхватил сумку и направился к стойке, где дежурная улыбка девушки в сине-голубой униформе уже слегка поистрепалась...

Ему досталось место у окна. (Молодцы! Даже об этом подумали!) Взлёт с форсажем мощных двигателей и тряской шасси о бетон полосы отдавался в его груди какой-то тоской. Надрыв ощущался не только в механизмах стальной птицы, но и где-то глубоко внутри него самого.

Словно кто-то циничный и въедливый шептал в ухо: «Ты больше никогда не вернёшься сюда! Ну, посмотри – посмотри же в последний раз на родную землю...»

Он действительно долго смотрел в иллюминатор, от которого чуть тянуло прохладой.

Леса, поля. Выстроенные как по линейке, или хаотично торчащие кверху безликие коробки девятиэтажек окраин, словно окрашенные в сизо-голубые тона. Чёрные проплешины автостоянок с разноцветными конфетами-машинами.

Город. Ох уж этот город...

Когда лайнер развернулся, набирая высоту, город оказался виден плохо: большую часть как всегда скрывала мутно-серая пелена смога и дыма из труб заводов. Ничего, пусть таким он его и запомнит.

Сосед слева, пожилой мужчина в коричневом костюме, кинул в иллюминатор лишь один, равнодушно-вялый взгляд, и снова погрузился в толстенный журнал на ангальском, который сразу, только сев, вынул из кармана впереди стоящего кресла. Подумав, Алексей вынул и свой «полётный» экземпляр. Нужно изучить место прибытия: хотя бы для того, чтобы не потеряться.

Однако спустя десять минут он поймал себя на том, что просто рассматривает замечательно цветные и живописные иллюстрации вместо того, чтобы вникать в текст.

В чём дело? Что его насторожило? Соседи? Нет. Милая старушка за мужчиной ну точно не может вызвать подозрения. Как и пожилая чета в неопрятных «спасательных кругах» излишнего веса, обтянутых майками-футболками, и в мятых шортах... Но странное чувство не проходило: затылком он ощущал чьё-то пристальное внимание.

Не-ет, не дождётесь. Он не станет оглядываться, как последний лох, в поисках наблюдателя. Ему достаточно знать, что наблюдатель есть. А у него – есть сила воли!..

Спустя час, основательно проработав журнал, и расстегнув ремни, Алексей прошёл в туалет. Лучше сделать это сейчас, а не тогда, когда все надумают воспользоваться перед посадкой и дозаправкой. Из зеркала на него глянуло немного усталое и равнодушное лицо. Надо же – он не волнуется. Почти.

Э-э, кого он обманывает.

Ладно, хоть внешне его мандраж не виден. Будем надеяться...

До ужина он продолжал смотреть в иллюминатор, за которым уже ничего кроме облаков и серой поверхности различить стало невозможно. Соседи оказались милы – его не беспокоили. Вот он и смотрел. Полезных мыслей в голову почему-то не шло.

Может, это полёт так действует на голову? Или – разрежённый воздух? Он слышал, что когда пилоты хотят, чтобы пассажиры расслабились и заснули, в салоне снижают давление. Но сейчас он ничего такого не ощущал. Просто тупо пялился в окно с пустой головой. С другой стороны – поздно беспокоиться. Он всё решил.

Причём ещё тогда – в первый же день.

Подсознание сказала, что пора отбросить врождённую осторожность, и с головой окунуться в... Приключение?

Можно ли работу назвать *приключением*? Хм-м...

Такую, как, скорее всего, предстоит ему – вряд ли.

На ужин пришлось поднять кресло, чтобы поесть мог и тот, кто сидел сзади.

Вкус пищи не произвёл на Алексея никакого впечатления. Может, это от стресса? Или сама пища такая – стандартно-безвкусная? Впрочем, он – в бизнес-классе. Кто знает, какие деликатесы едят в первом.

На время дозаправки в Дондоне Алексей так и не встал с кресла. Решил, что свободно обойдётся без «разминки». И после того, как всё благополучно закончилось, и они снова взлетели, почти мирно проспал-продремал оставшиеся несколько часов – благо, за иллюминатором наконец стемнело. Впрочем, иллюминатор Алексей теперь закрыл шторкой – чтоб не дуло.

Разбудил его милый вкрадчивый голос, на трёх языках просящий пристегнуть ремни. Ну ладно, раз уж вы так вежливы... Он пристегнулся.

Посадка и рулёжка вызвали в теле непонятный зуд, а в чувствах – напряжение: словно что-то должно случиться... Но ничего не случилось.

Решив, что если его не придётся ждать слишком долго, это будет воспринято лучше, он поторопился покинуть лайнер в первых рядах – тем более, что сидел недалеко от двери.

После тесноты выходного рукава коридоры аэропорта показались слишком яркими – свет буквально резал привыкшие к полумраку салона лайнера глаза. Он прошёл к эскалатору, следуя указаниям табличек и пиктограмм. Сумка уже ожидал его на вращающемся стенде. Нет, он собирался было купить солидный чемодан. Затем подумал: а зачем?

Его уж точно будут встречать не по чемодану...

Он прошёл в зал прибытия.

Чё-ёрт... Действительно, в зале прибывающих его ожидали: можно подумать, что это тот же самый молодой человек, провожавший его в Шаруметьево! Даже цвет костюма тот же. В руке «синий костюм» держал аккуратную табличку, которую пересекала крупная жирная надпись чёрным маркером: «Алексей».

«Алексей», усмехнувшись про себя, и переместив улыбку и на лицо, подошёл.

– Здравствуйтесь. Меня зовут Алексей. – он воспользовался первой выученной на ангальском, ещё в первом классе, фразой.

– Здравствуйтесь, Алексей. Я – Александр. Очень приятно.

Пожимая стандартно тёплую плотную руку, и завидуя не то Йельскому, не то – Гарвардскому произношению, Алексей поспешил уверить, что их чувства взаимны. Александр любезно перехватил сумку, (Ничего – не переломится. Всего там было не больше десяти-двенадцати килограмм!) и предложил следовать за собой.

Они прошли в какой-то, явно служебный, тесный и длинный коридор, с массой дверей по обеим сторонам. Долго шли, иногда встречая тех, кто летал – такие были в тёмно-синем, и тех, кто работал на земле – эти были одеты как обычные клерки, в традиционных брюках-рубашках, или как грузчики: в аккуратных опрятных синих же комбезах...

Выйдя в широкую дверь Алексей понял, что он – на лётном поле. А запах!.. Пахло пылью, керосином, сильно нагретым воздухом. Алексей сощурился – со всех сторон светили жутко слепящие прожектора... Под ногами – могучие бетонные плиты.

Всё-таки есть что-то, глубоко волнующее любого человека, в этих вокзалах: воздушных, водных, да даже – обычных железнодорожных! Откуда отправляешься в *неведомое* – и каждый раз ощущаешь себя не то Колумбом, не то – Гагариным...

Им пришлось идти довольно долго. Сопя, Алексей ничего не спрашивал, а спутник ничего сам не объяснял. Странно.

Хотя нет – не странно. Ведь Александр – просто связной. Вот он и передаёт его и его багаж и его самого в... Руки пилота явно частного «Гольфстрема-3». А теперь пожимает руку, прощаясь.

– Счастливого пути.

– С-спасибо. И вам – всего доброго.

Ого! Частными самолётами, да ещё Президентского класса, Алексей ещё не летал. Блин. А страшно. Но руку пилоту он мужественно подал, забрался с его помощью в салон по крохотной лесенке, вмонтированной прямо во внутренность салона, и не без трепета проследил, как захлопывают верхнюю и нижнюю половину маленького – только пройти, нагнувшись! – люка.

Помощник пилота, очевидно, штурман, осуществлявший эту простую с виду операцию, жестом предложил Алексею располагаться на длинном узком диване, или нескольких креслах, и прошёл в кабину, где пилот уже разговаривал с диспетчером. Алексей уловил что-то вроде «эшелон восемь-один», и разрешение на взлёт через... Всё потонуло в гуле проехавшего рядом самолёта. Помощник тоже ушёл, дежурно улыбнувшись на прощанье, и дверь пилотской кабины отрезала его от лётчиков.

Вскоре миниатюрная машина весьма резво тронулась и стала выруливать куда-то.

Впрочем, почему – куда-то? На взлётную полосу. Правда, им пришлось, как видел Алексей в иллюминаторы, пропустить два мощных Боенга, и один самолёт Люфтгензы...

Ничего – всё равно не больше, чем через пятнадцать минут они оказались в воздухе. А поскольку маленькая машина вела себя вовсе не как солидный слон-лайнер, а, скорее, как благородный арабский скакун, Алексей смог полностью разделить волшебное чувство очень быстро набранной ими потрясающей скорости...

Вот это да! Похоже, на затраты по отношению к сотрудникам Корпорация действительно не скупится. Впрочем, может, самолёт и принадлежит как раз самой Корпорации. И в обычном режиме просто возит «Больших Боссов»... Да, это вероятней всего.

Алексей, освоившись на диване, обнаружил в дальнем углу минихолодильник.

Но живописно торчащие среди кубиков льда банки с соком, колой и пивом его не вдохновили – пить не хотелось. Ага – рядом нашлась и микроволновка, и в другом холодильнике – сэндвичи и гамбургеры... Выбрав бутерброд с курицей, он разогрел, и сел кушать, поглядывая в иллюминатор.

Особого смысла, правда, в этом не наблюдалось: там царил почти непроницаемый мрак, и изредка сверкали точки звёзд на небе, и домов на земле, когда «Гольфстрем» выбирался из пелены облаков. Всё равно, небольшие словно рывки и пошатывания на курсе сказали бы ему, что он – не в «Мильюшине» или «Боенге»... Поев, руки Алексей вытер своим платком, хотя нашёл и салфетки.

Долетели минут за тридцать. Фантастика!

Пилот сообщил:

– Добро пожаловать в Фитадельфию. Прошу вас. Вас уже ожидают. – его напарник всё так же молча кивнул на прощанье, чуть улыбнувшись. Алексей смог выдавить:

– Спасибо. Отличный полёт, – показав большой палец.

Пилот сдержано улыбнулся, взял под козырёк. Уж это-то он и сам знал.

Действительно, в двадцати метрах от трапа уже стоял длиннющий лимузин, и у открытой двери борт подпирал очередной «сергей-александр». Правда на этот раз его, для разнообразия, звали Дэйвид. Остальные же детали как костюма, так и внешности, включая крепкое рукопожатие и стрижку, ничем не отличались. Восхищение работой и работниками Корпорации... Осталось прежним.

По дороге, правда, Алексей не отказал себе в удовольствии расспросить о месте, куда его везут. Дэйвид отвечал, как ни странно, охотно, даже сам расписал местные достопримечательности вроде театра и музея, выразив лёгкое сожаление, что посетить всё это, и многое другое, Алексею сейчас не удастся.

Место, куда они добрались по полупустым ночным дорогам ещё за каких-то полчаса, он называл просто: «Университет». Действительно, на табличке у въезда в широкую аллею с

могучими дубами по обе стороны, так и значилось: «Университет Джона Драйфуса». А дизайн-то здания... Стекло-бетонная коробка! Рационализм.

Всё бы хорошо с этим «университетом». Если бы Алексей не заметил невдалеке поистине огромную трансформаторную подстанцию, и буквально связку толстенных проводов ЛЭП, которые откуда-то издалека к ней подводили двадцатиметровые решётчатые мачты. Да ещё отсутствие рядом с огромной бетонной коробкой других строений – типа общежитий-кампусов, учебных корпусов, библиотек, столовых, и т.п.

Хм-м... А коробка-то: не меньше, чем семиэтажная, а в длину – метров сто пятьдесят. При ширине – сто! Ну прямо – как институт, создавший Терминатора в одноимённом фильме, будь она неладна – память, подсказавшая сравнение!

Внутри они вошли через парадный, монументально застеклённый вход. Холл за ним оказался вполне достойным: таким мог бы гордиться даже ЦЕРНский Центр со своим адронным коллайдером...

Идти до стойки дежурного пришлось (как показалось Алексею) не меньше минуты... Да, масштабы «университета» вселяли уважение. Похоже, как и всё в Корпорации.

Алексей поздоровался и с двумя секьюрити в опрятной отутюженной форме: голубые рубашки, тёмно-синие брюки. Один из серьёзных и явно не пренебрегающих занятиями в тренажёрном зале мужчин неопределённого возраста как раз вернул на рычаг трубку телефона, и предложил им с Дэйвидом подождать тут же, у стойки.

Через минуту послышались шаги, и с ними поздоровалась серьёзная женщина в ослепительно белом халате и в очках: ну просто идеальное воплощение учёной! Правда, в представлении Голлууда... Алексея что-то укололо: ну вот не бывает таких «стерильно-немятых» накрахмаленных халатов на тех, кто... Работает.

– Здравствуй, Алексей! Я – Мэри Стоукс. Рада приветствовать в Университете Драйфуса. – Алексей отлично видел это имя на крупном бейджике с кучей печатей и штрихкодов, но с удовольствием пожал руку и представился сам: можно подумать, она не знала, кто он, и откуда...

С Дэйвидом попрощались традиционно: сдержанно-вежливо. Оглянувшись перед тем, как они с новой провожатой завернули за угол, Алексей обнаружил, что Дэйвид направился к машине.

Странно. Впрочем, что странного – в машине ждать куда приятней. Там есть и радио – они даже крутили его – и стереосистема.

Лифт, вопреки ожиданиям Алексея, повёз их вниз. Причём – не меньше чем на те же семь этажей. Обалдеть!.. На выходе из лифта ждал ещё секьюрити: «Обалдеть» – два раза!

Мэри очень мило улыбнулась Алексею, и наконец сообщила нечто конкретное:

– Алексей. С вами будут работать профессор Нумстоул и доктор Вонг. Прошу сюда. – следуя за приглашающим жестом, Алексей вошёл в ещё одну кабину. Чёрт, похоже, опять лифт. Но – без кнопок. А-а, он управляется снаружи...

Алексея спустили ещё на пару (А может – и больше! Уж больно быстро, хоть и плавно, лифт ехал!) этажей.

Встретив на выходе очередного охранника Алексей уже не удивился. Как и тому, что доктор Вонг оказалась сорокалетней полненькой женщиной, а профессор Нумстоул, к которому они с доктором Вонг, поулыбавшись и пожав друг другу руки, долго шли по трём коридорам и двум залам, забитым техникой и приборами – тощим седым старичком. Лысым к тому же. Ждал он их в явно промышленно-лабораторном зале, размером с добрый теннисный корт. Из приборов, громоздящихся по верстакам, столам, и у стен, Алексей узнал только компы и осциллограф. (Вот уж – «ретро»!)

Алексей, в меру сил приветливо улыбаясь, пожал маленькую сухонькую ручку, представившись:

– Алексей.

– Дикстра. – неожиданно ответил профессор. Странное имя. Впрочем – какая разница...

– Прошу вас, Алексей. – доктор Вонг снова указала рукой, и Алексей прошёл в небольшую комнату, стены которой, словно в медицинском кабинете, покрывала белая кафельная плитка, и сверху свешивался явно медицинский же колпак с шестью ещё не включёнными софитами. В углу стоял шкаф для одежды и простой деревянный стул.

Ну прямо операционная! Не хватает только стола... (Тьфу-тьфу!)

– Алексей. Мы вынуждены принести вам свои извинения за то, что можно рассматривать как покушение на ваши права и свободу личности... Однако раз уж вы подписали Договор... То должны понимать: интересы Корпорации – теперь и ваши интересы!

– Да. Я подписал. И согласился на обследование.

– Очень хорошо. Мы надеемся, что вам не покажутся чрезмерными наши... меры предосторожности в отношении... – доктор мило... Покраснела. – Как врач-практик я должна... Осмотреть вас.

Ух ты! А доктор-то – не совсем доктор! Иначе с чего бы ей краснеть, если предстоит всего лишь очередной осмотр очередного голого мужика!.. Так что, похоже, она, как «Сундук» в фильме «Три плюс два» – доктор «каких-то-там-наук!» Может, как раз – физико-математических!

Но вид доктора Вонг не вызывал у Алексея никаких подозрений, как не вызвала неприятия и явно предстоящая перспектива обнажиться перед симпатичной женщиной. К тому же в кабинете было тепло. Он всё же счёл нужным уточнить:

– Мне – раздеться... совсем?

– Да. Одежду, пожалуйста, повесьте в этот шкаф.

Уверенность Алексея насчёт того, что доктор – скорее, не доктор, а всё же какая-то учёная, подтвердило и то, что миссис Вонг отвернулась, пока он раздевался.

Шлёпая по линолеуму голыми подошвами, Алексей подошёл и встал под колпак.

Ослепительный свет, наверное, даже лучше чем рентген высвечивал его кости и внутренности... Во всяком случае так казалось Алексею. Прикосновение рук доктора оказалось и нежным и приятным. Но вот сам осмотр... Действительно, у него не остался неизученным ни один сантиметр тела. Особенно внимательно «доктор» осматривала его старые шрамы – даже самые маленькие. Он улыбался. Но – только про себя.

Доктор же не переставала удивлять:

– Алексей... У вас были переломы?.. Вам не вставляли каких-либо металлических штифтов? Для лучшего сращения переломов? Или, скажем, в протезы челюстей?

– Нет. Зубы у меня пока свои... А рука и нога срослись сами – штифтов точно нет!

– А дети у вас есть?

– Нет. Но – не по моей вине. – Алексей снова закусил губу. Но слова уже опять вырвались. Что это за дурацкое желание оправдаться? В чём? В том, что Лена не могла родить, а с остальными «случайными» подругами он предохранялся, ничего криминального... Или просто – необычного – нет! Так что же это у него за... Комплекс?..

– Болели ли вы... венерическими заболеваниями?

– Нет. Никогда. – и это была чистая правда.

– Благодарю вас за понимание и сотрудничество. Э-э... Алексей. Пожалуйста, возьмите с собой вещи, находящиеся во всех карманах. Мы вынуждены будем подвергнуть обследованию эту одежду. Но там... э-э... Я хочу сказать, после процедуры сканирования мы выдадим вам другую, абсолютно новую, и вашего размера. Поскольку ваша... Окажется измятой. Так же мы исследуем и вещи в вашей сумке. И саму сумку. Ещё раз приношу извинения: Корпорация

должна быть *абсолютно* уверена в том, что имплантов в теле, или жучков в ваших... э-э... личных вещах – нет!

Алексея, разумеется, слегка удивило столь странное «мероприятие», однако возражать смысла он не видел – согласился же! Ну так и вот оно!.. Он выгреб всё из карманов, и положил в прозрачную пластиковую кювету, которую доктор Вонг любезно держала в руках, пока он убеждался, что достал всё.

– Благодарю вас. Возьмите на всякий случай и вот это. – Алексей с подозрением оглядел протянутое ему большое пластиковое ведро, но вслух ничего не сказал, просто взяв его ручку в другую руку, – Теперь прошу сюда. – в стене открылся узкий тёмный проход, через который Алексей, так с кюветой в одной, и ведром в другой руке, и прошёл.

Стены гулкого низкого коридора – явно из стали. Даже неокрашенной. Местами – помятые, местами – словно тронутые ржавчиной. Сам коридорчик – не больше десяти метров. Но почему-то их преодоление потребовало от него всей силы воли, и босые ноги лишь через минуту принесли его в шарообразное гулкое пространство.

Чё-ёрт поberi! Куда это его угораздило попасть?!

Диаметр сферы не превышал четырёх метров – ну ни дать ни взять, небольшая комната. Пол состоял из сучковатых оструганных досок, даже не крашенных, и явно был нужен лишь затем, чтобы вознести его (Объект исследований!) над выемкой пола – то есть, ближе к центру шарового пространства.

Ставя у центра «комнаты» кювету со «своим», и ведро, Алексей невольно нагнулся: мать честная!..

Половицы к брусьям крепились деревянными шипами.

Ого! Что же за мощност у здешних сканнеров? Невольно вспомнилась подстанция, и подходящая к ней ЛЭП... (Интересно. Вот если бы штифты, и правда, были – их что, повывернуло бы из костей?! И – зубов?)

Внезапно под полом что-то зашуршало, задвигалось, и раздался лягг – словно захлопнулся небольшой люк. «Предстартовая» подготовка? В ноздри ненавязчиво наносило запахом ржавчины, и почему-то – медного купороса. Странно. Что, трудно хотя бы покрасить изнутри в «приятные для глаза тона» свой дурацкий железостенный сканнер?..

Включился весьма гнусный по звуку зуммер, похоже, отсчитывающий секунды короткими «Бзззз-бззз», и коридор неторопливо перекрыло люком – обращённая вовнутрь сферическая поверхность завершила шаровую форму полости. Алексей встал в центре, и постарался расслабиться. Сейчас явно начнётся...

К тому, что случилось, он всё равно оказался не готов.

Ну, вернее, готов, но не совсем. Потому что вручённое «на всякий случай» ведро о многом сказало ему.

Началось с мерного гудения – ну да, трансформаторы здесь точно задействованы... Он ещё не слышал о мощных электрических приборах, обходящихся без этих устройств.

Затем возник свист в ушах. Тонкий, пронзительный – словно к нему подлетает стая из миллиона комаров...

Затем он почувствовал, словно камера... Куда-то двинулась! Вау!!!

Не *сквозь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.